

КОММУНАЛЬНАЯ СТРАНА

в фотографиях и воспоминаниях

КОММУНАЛЬНАЯ СТРАНА

Составитель
Елена Лаврентьева

в фотографиях и воспоминаниях

из коллекции В.О. ШТЯЛЬМАНА

УДК 94(47)"18/19"(084/1)

ББК 63.3(2)5я6

К63

ПРОЕКТ «СЕМЕЙНЫЕ АРХИВЫ»

Издание осуществлено при финансовой поддержке:

ЗАО «НОВОЕ СОДРУЖЕСТВО»

Ларисы Ивановны Прониной

Ирины Борисовны Беляевой

Благодарим:

Виктора Оттовича Штульмана за предоставление фотографий из личной коллекции

Издательство «Детская литература»

за предоставленные фотографии к воспоминаниям Л. А. Румянцевой

Марию Калюжную за расшифровку записей воспоминаний В. И. Прохоровой

Дизайн – Александр Архутик

Компьютерная верстка – Алексей Калганов

Сканирование и обработка фотографий – Александр Комаров

Коммунальная страна в фотографиях и воспоминаниях/

К63 Составитель Е. В. Лаврентьева. – М.: Этерна, 2009. – 384 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00209-6

«Эта коммунальная квартира, эта коммунальная страна...» Для многих читателей сегодня это всего лишь строки из популярной песни. И хотя в нашей необъятной стране есть люди, все еще проживающие в коммунальных квартирах, большинство современников уже не представляют себе, что это такое. Чтобы рассказать об ушедшем и напомнить о сокровенном, этот альбом.

Все стремительнее мы отдаляемся от тех лет. Советское прошлое сегодня мифологизируется - одними, проклинается - другими и забывается - третьими, особенно молодыми нашими согражданами. Живые свидетельства современников эпохи сохраняют для них историческую, человеческую и семейную память, помогут понять прошлое, жить в настоящем и мечтать о будущем.

УДК 94(47)"18/19"(084/1)

ББК 63.3(2)5я6

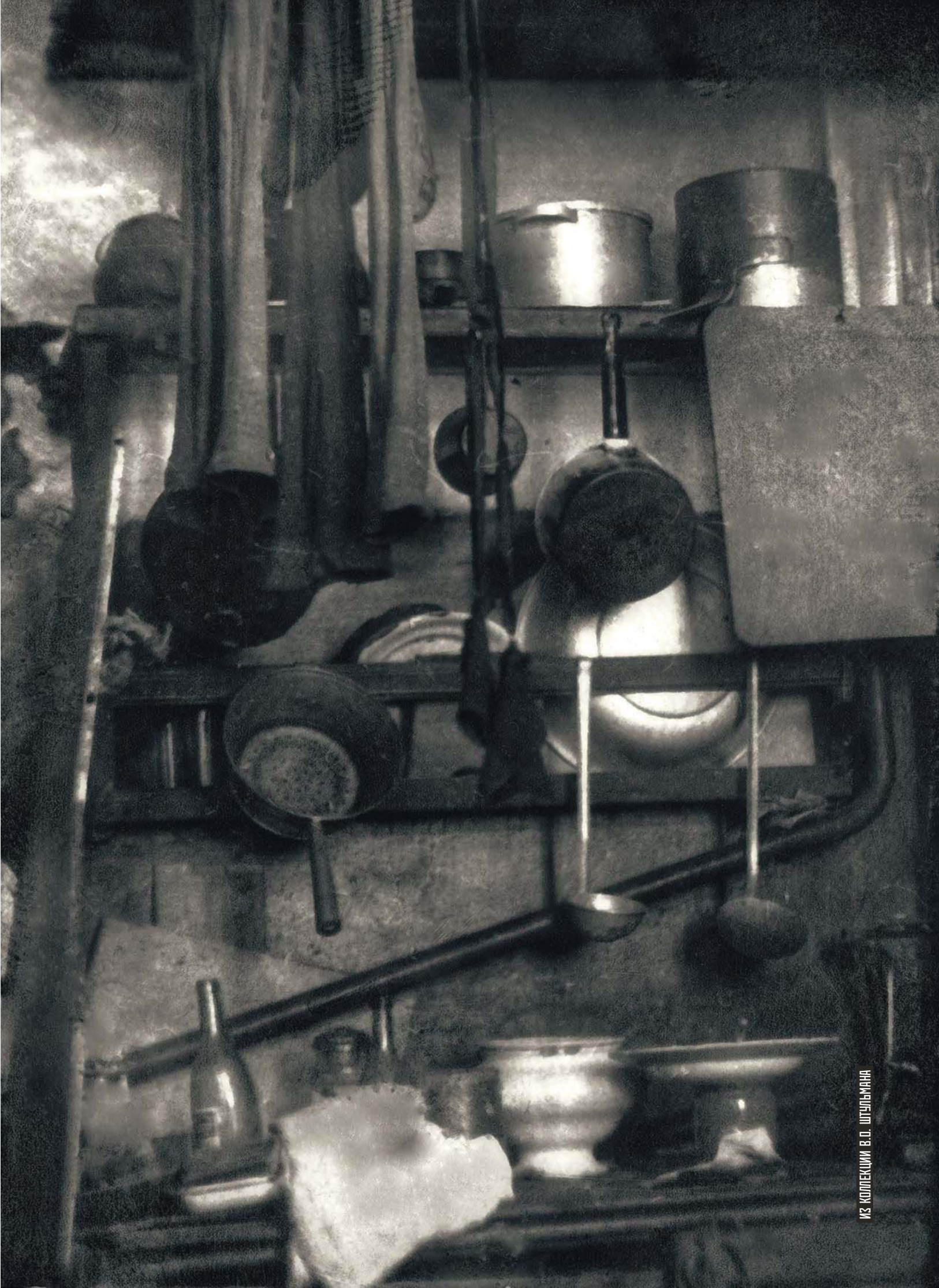
© Коллектив авторов, 2009

© В. О. Штульман, фотографии из личной коллекции, 2009

© Е. В. Лаврентьева, составление, предисловие, заключение, 2009

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2009

ISBN 978-5-480-00209-6

Предисловие

МОНОЛОГ СТАРОЙ ЛЕСТНИЦЫ

*Мой старый дом! Я вам ровесница,
Но не дадут мне здесь остаться.
Влюбленные на новой лестнице,
Как прежде, будут целоваться.
Признанья час и боль разлуки
Разделят новые ступени.
В любви пожмут друг другу руки
Никем невидимые тени.
По мне скользили туфли-лодочки,
Брели калоши по старинке,
«Приняв на грудь» стаканчик водочки,
Спускались пьяные ботинки.
Всегда, в любое время года
Блестели чьи-то сапоги,
А по ночам «врагов народа»
Звучали тихие шаги.
Из женских глаз слеза катилась,
Как по перилам – детвора.
Кошачья свадьба доносилась
Весною ранней со двора.
Я повидала все на свете,
Мне расставаться с прошлым жалко.
Я помню, как смеялись дети
И как шумела коммуналка,
Как модной мебели в угоду
Комод тащили на помойку,
Как Витька вышел на свободу,
Как получил Серега двойку.
Простите, я скрипеть устала
И вызывать у всех насмешку.
Для вас, мой друг, пора настала
Взять в собеседницы консержку.*

Каждый день я наблюдаю, как уходит в небытие старая Москва. Зияющие дыры окон знакомых домов, жалкий вид обоев на фоне разрушительной силы экскаватора вызывают приступ горького уныния. От дома на Гоголевском бульваре, где в коммуналке обитала моя университетская подруга, остался только отреставрированный до неузнаваемости фасад.

Моим родителям посчастливилось жить в отдельной квартире в «маленьком городе, где вечные сумерки и вечные колокола». Впервые о существовании коммуналок я узнала от бабушки, охотно рассказывающей гостям свои бесчисленные «юморески»:

— Когда Ивана Михайловича (мой дед. — Е. Л.) перевели в Харьков, нам на первых порах выделили две комнаты в коммунальной квартире с вытянутым, как кишка, коридором. Третью занимал капитан, который мне очень симпатизировал. Как-то мужа отправили в командировку, я осталась одна. Утром направляюсь в кухню, и вдруг из уборной мне навстречу со спущенными портками выскакивает капитан. Я испугалась, вбежала в комнату, навалилась всем телом на закрытую дверь и жду. А он через минуту жалобным голосом и говорит под дверь: «Оленька, простите, я не хотел вас оскорбить: мне сверху крыса на спину прыгнула. Я выскочил, даже брюки не успел надеть».

Я помню, как смеялись бабушкины гости, а мне, семилетней, было очень жаль капитана, который, по моему представлению, должен был сгореть от стыда и неловкости.

– Это жизнь, – любила повторять бабушка.

– Может быть, не следует записывать столь «интимные подробности»? – порой спрашивают меня мои собеседники, когда я решительным жестом кладу перед ними свой старенький диктофон.

– Это жизнь, – говорю я и нажимаю кнопку.

Благодарю всех, кого не отпустил мой диктофон или настойчивые призывы «взяться за перо» и поделиться своими воспоминаниями о коммунальном прошлом. Среди авторов книги – мои друзья, их родные и знакомые. Чем же могут быть интересны эти воспоминания человеку, не имевшему опыта коммунальной жизни? Отнюдь не экзотикой, ибо «коммунальность» проявлялась во всех сферах жизни каждого советского гражданина. Позволю себе небольшое лирическое отступление. В одном из писем А.П. Чехов делился с А.С. Сувориным: «Сидеть бы на палубе, трескать вино и беседовать о литературе, а вечером дамы». Кто из нас не мечтает о такой «палубе», где можно испытать и радость общения, и прелесть уединения?! Другая атмосфера царила на корабле, бороздившем просторы социализма. Как вести себя во время шторма? Что делать, если на

палубе остались одни пьяные пассажиры? Куда ведет свой корабль капитан? Оставим метафоры и попробуем ответить на вопрос: так ли необходимо человеку «право на уединение»? На страницах этой книги вы можете выбрать в собеседники великого Станиславского, бойкую дворничиху Феклу, гениального пианиста Святослава Рихтера, самоотверженного хирурга Петра Ивановича Постникова, ростовского фотографа Михаила Орлова, несговорчивую мадам Табуреткину и даже «умницу-пса» по кличке Дей.

Елена Лаврентьева

М.С. Сперанская

ЗДЕСЬ БЫЛ ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР...

Вряд ли мой дед, известный московский хирург Петр Иванович Постников, въезжая со своим многочисленным семейством в квартиру дома на Большой Никитской, мог подумать, что через восемь лет ему придется «делить жилплощадь» с цыганским табором. Но сначала немного истории. Пятиэтажный дом № 26 на углу с Леонтьевским переулком (бывшая ул. Станиславского) только на первый взгляд кажется невзрачным. На самом деле у него яркая биография. Незадолго до нашествия Наполеона дом приобрел страстный театрал генерал-майор П.А. Позняков, устроивший здесь крепостной театр. Режиссером был известный Сила Сандунов. О театральных затеях Познякова писал А.С. Грибоедов в комедии «Горе от ума». Одна из них – припрятанный за деревьями зимнего сада «человек», который во время балов и маскарадов виртуозно пел на птичий лад и «щелкал соловьем». Сам же хозяин поражал гостей эксцентричностью своего наряда: во время спектаклей разгуливал в костюме перса или китайца.

Когда французы захватили Москву, Наполеон велел в этом доме открыть французский театр. Правда, сам не удостоил его своим посещением. После изгнания французской армии Позняков возобновил свой театр. Пожертвования от спектаклей шли в пользу пострадавших от пожара и раненых

Петр Иванович Постников, 1890-е гг.

русских воинов. Следующим владельцем дома стал известный вельможа Николай Борисович Юсупов, владелец Архангельского. Возможно, в гостях у него бывал и А.С. Пушкин.

Как пишут историки Москвы, в середине 70-х годов XIX века был надстроен третий этаж, и дом полностью утратил свой первоначальный облик. Ампирный особняк пре-

Ольга Петровна Сорокоумовская. 1890-е гг.

вратился в доходный дом. Здесь и облюбовал себе квартиру, состоящую из десяти комнат, Петр Иванович Постников со своей женой Ольгой Петровной, урожденной Сорокоумовской, в 1910 году. Через двадцать с лишним лет в доме надстроили еще два этажа, провели центральное отопление и газ. Я помню, как дед, будучи весьма пожилым человеком, часами сидел в вольгеровском кресле, положив ноги на батарею.

История умалчивает, где и когда познакомились мои дедушка и бабушка. Однако известно, что Ольга Петровна с тремя дочерьми ушла к Петру Ивановичу от своего мужа Леонида Александровича Байдакова, купца 1-й гильдии, торговавшего кирпичом и строительными материалами под фирмой «Байдаков и К°». Владелец кирпичного завода под Мо-

сковой, старшина Московского купеческого собрания, Леонид Александрович был изобретателем известного байдаковского пирога. По словам В. Гиляровского, пирог представлял собой огромную кулебяку в двенадцать ярусов, «каждый слой – своя начинка: и мясо, и рыба разная, и свежие грибы, и цыплята, и дичь всех сортов. Эту кулебяку делали только в Купеческом клубе и “У Тестова”, и заказывалась она за сутки». Когда Байдаков спустя годы разорился, Петр Иванович помогал ему материально. Но это было потом, а сначала родители бабушки, Петр Павлович и Надежда Владимировна Сорокоумовские, не могли простить дочери ее дерзкой выходки – бегства от мужа-богача к какому-то доктору.

Слава меховой империи Сорокоумовских гремела не только в России, но и за рубежом. Торговый дом «Павел Сорокоумовский с сыновьями» по праву считался законодателем меховой моды. В 1879 году глава фирмы Петр Павлович с семьей переехал в новый дом в Леонтьевском переулке. Сейчас здесь располагается посольство Греции. Моя мама, общая дочь Петра Ивановича и Ольги Петровны Постниковых, вспоминала, как однажды побывала в этом роскошном

особняке. Маленькая Кира вместе с другими многочисленными внуками Петра Павловича Сорокоумовского должна была подойти к дедушке, сидящему в кресле, и поцеловать ему руку. Дед каждому вручал золотой. Смекалистая Кира, получив свое вознаграждение, снова встала в очередь. Петр Павлович заметил это, с улыбкой протянул ей руку, но золотой давать отказался. Несмотря на то что Со-

Петр Павлович Сорокоумовский, прадед

рокоумовские все-таки сменили гнев на милость, отношения между дочерью и родителями оставались натянутыми. Когда свершилась революция 1917 года, Петр Павлович с женой отдыхали в Ницце. С возвращением домой решили повременить. Ницца стала их последним пристанищем. Зато их непокорная дочь Ольга приняла революцию с пониманием. С пониманием отнеслась она и к тому, что в первые революционные годы ее муж, Петр Иванович Постников, на собственные деньги содержал свою лечебницу на Спиридоновке: чтобы прокормить пациентов и оказать им должную медицинскую помощь, он был вынужден продавать картины из коллекции, которую собирал в течение многих лет. Благодаря его усилиям лечебница просуществовала до конца 1919 года. Бабушка помогала деду вести бухгалтерию клиники, умело распоряжалась она и домашним бюджетом.

Деньги, вырученные от продажи картин, спасали наше многочисленное семейство в самые тяжелые времена. «Петр Иванович был бы рад видеть, что мы не голодаем», — говорила бабушка после его смерти. От некогда большого собрания картин почти ничего не осталось — разве что семейные портреты.

Надежда Владимировна Сорокумовская, прабабушка

Через пять лет после смерти деда началась война. Пришлось расстаться с золотыми монетами из нумизматической коллекции. В отличие от бабушки, расстававшейся с семейными реликвиями по крайней необходимости, моя мама, Кира Петровна Постникова, делала это охотно и с энтузиазмом. Этому не препятствовали ни ее светское воспитание, ни знание нескольких языков, ни знакомство с литературными и художественными знаменитостями. Живя в загроможденной

старыми вещами коммуналке, она была уверена, что нам не избежать переселения, а оно, по ее представлению, равносильно мировому потопу. Мама с ужасом думала, как

С дочкой Кирой, 1913

П.П. и Н.В. Сорокумовские с детьми и внуками

разместить в типовой трехкомнатной квартире, которая нам полагалась, такое количество старинной мебели, книг, картин, коробок, картонок, альбомов... Она даже занялась точными математическими подсчетами: измеряла размеры картин, рисовала схемы их расположения. Словом, было решено окончательно и бесповоротно избавиться от лишнего «хлама». Лишней оказалась и редчайшая коллекция монет, ее начал собирать еще дед Петра Ивановича. Кира Петровна позвонила в

ГМИИ им. А.С. Пушкина, в отдел нумизматики. На следующий день приехали два молодых человека, пообещавшие изучить «экспо-

наты» и через месяц вынести решение. Коллекция состояла из семисот монет, к каждой из них прилагалась историческая справка, составленная Петром Ивановичем, по всей видимости, не без участия специалистов прошлого. Кира Петровна была очень довольна, когда ей предложили 629 рублей. Речь идет о середине 60-х годов. Приятель нашей семьи, известный коллекцио-

Мама Кира Петровна Постникова, 1930

нер Феликс Евгеньевич Вишне-
невский, узнав о продаже, да
еще по такой смехотворной
цене, впал в отчаяние. По его
словам, в коллекции было
много монет, и каждая из
них могла быть оценена в
несколько тысяч рублей. Ки-
ра Петровна ухитрилась
продать даже набор сереб-
ряных приборов, который
она подарила нам с Бори-
сом на свадьбу. В ответ на
наше недоумение мама при-
зналась, что забыла о подар-
ке 15-летней давности и
гордо вручила моему мужу
сберкнижку с 200 рублями,
полученными за серебро в
антикварном магазине на
Арбате. Туда же свозила она
на такси ненужные, по ее
мнению, картины. А среди
авторов картин, висевших в
нашей коммуналке, были и
Коровин, и Саврасов, и Ма-
ковский, и Поленов... Когда
началась война, Ольга Пет-
ровна отдала на хранение в
Третьяковку три картины. Одна из них – ог-
ромных размеров картина Айвазовского,
другая – работа Бруни, а сведения о третьей,
к сожалению, канули в Лету. Бабушка полу-
чила расписку, которую она предъявила по-
сле войны, и услышала, что сданные на хра-
нение картины утеряны. Спустя много лет
мы с мамой оказались на Крымском Валу на
выставке, где были представлены отрестав-
рированные шедевры музеев. Среди них
оказалась и картина Бруни, когда-то нахо-
дившаяся в нашем доме. Наверное, можно
было обратиться в Третьяковку с просьбой
разъяснить ситуацию, но мама не стала

П.И. Постников, 1906

П.И. Постников в лечебнице на Б. Дмитровке

предпринимать никаких
усилий, тем более к тому
времени она уже подарила
нескольким музеям, в том
числе и Третьяковской гале-
рее, картины, ценные доку-
менты и письма, адресован-
ные разными знаменитыми
людьми Петру Ивановичу
Постникову. Несколько пи-
сем Ф.И. Шаляпина передала
Кира Петровна Ираклию
Андроникову, он опублико-
вал их в книге «Я хочу рас-
сказать вам...» со следующим
комментарием: «...очень уж
они хороши, эти письма,
остроумны, талантливы и
широко раскрывают могу-
чий образ Шаляпина, непо-
вторимого даже в своем ли-
тературном стиле. Для того
чтобы все в них оказалось
понятным, надобно знать,
что была в начале нашего
века в Москве, на Большой
Дмитровке, лечебница Пет-
ра Ивановича Постникова –
хирурга великолепного и

добрейшей души человека. Говорю это не с
чужих слов, не понаслышке: в мои молодые
годы я сам знал его – Петр Иванович умер в
1936 году. А в 1906-м в его лечебнице по слу-
чаю воспаления в гайморовой полости ле-
жал Федор Иванович Шаляпин. Операцию
делал Постников. Чтобы не портить лицо
великого артиста, не оставлять на щеке
шрам, хотя бы и небольшой, Постников
применил новый в ту пору способ и щеку
резать не стал.

Лежа в лечебнице, Шаляпин сдружился
не только с самим Петром Ивановичем и
женой его Ольгой Петровной, но и с други-

ми врачами и фельдшерицами, получившими от него общее прозвище – “братья”».

От бабушки я не раз слышала историю, как однажды Федор Иванович пел в храме Большого Вознесения специально для нее. Дело было так. Шаляпин как-то на Пасху пришел в гости к Постниковым. Хозяев не оказалось дома: Петр Иванович был в клинике на Спиридоновке, а Ольга Петровна отправилась на службу в храм, где когда-то венчался Пушкин. «Там же плохо поют, – с досадой сказал прислуге Шаляпин. – Пойду ей спою».

Бабушка, вспоминая эту историю, признавалась: «Конечно, в храме пение Шаляпина не вызвало никакого восторга у церковнослужителей, но очень порадовало прихожан».

В квартире на Большой Никитской Шаляпин любил играть с дедом в домино. Выигрыш отдавали в студенческую столовую. В нашей семье до сих пор хранится коробка с тем самым домино, где на крышке кто-то написал: «Выигрыш – студентам».

Бабушку дед побаивался. Они были всю жизнь на «вы» и обращались друг к другу по имени-отчеству. Отправляясь на русско-японскую войну, Петр Иванович принял решение оставить своего денщика в Москве в помощь жене. «Ольга Петровна, Иван остается в Ваше полное распоряжение». «В полное? – спросила Ольга Петровна мужа. – Все, Иван, решено, ты едешь с Петром Ивановичем», – властным тоном произнесла бабушка. Попробуй тут возрази!

Независимый характер Ольги Петровны толкал ее на смелые, а подчас и рискованные поступки. Кто-то донес на деда, что он прячет несметные драгоценности жены у

Ольга Петровна Байдакова,
впоследствии Постникова, конец 1890-х гг.

себя в больнице. Отчаянная бабушка надела на себя все украшения, которые у нее были (а было их не так много), и отправилась на Лубянку: «Больше ничего нет, делайте что хотите». Экспроприаторы, вероятно, ошеломленные таким поступком, отпустили ее домой, не покусившись ни на одно колечко.

В. Гиляровский посвящал бабушке стихотворные экспромты, а друг семьи художник Василий Никитич Мешков писал ее портрет. Бабушка потчевала его портвейном из дореволюционных запасов. Мешков наливал вино в глубокую тарелку, крошил туда хлеб и ложкой ел. Писал он и портреты Петра Ивановича. На одном из них – дарственная надпись: «Дорогому другу и врачу П.И. Постникову на добрую память от художника, обязанного жизнью». Семейная легенда гласит, что дед сделал художнику операцию чуть ли не кухонным ножом: нужно было действовать молниеносно. Платой за жизнь был оставшийся на щеке шрам. В 1941 году Василий Никитич жил на Истре и оказался свидетелем трагических событий первых дней войны. Он признавался бабушке, что лучшей своей работой считает картину, изображавшую отступление наших солдат. К сожалению, судьба этой картины мне неизвестна.

О врачебном таланте и сердечной чуткости Петра Ивановича Постникова писали многие современники. Его имя упоминается и в мемуарах московского губернатора В.Ф. Джунковского:

«22 сентября <1912 г. – М. С.> на Петербургском шоссе, в районе Московской губернии, произошла трагическая автомобильная катастрофа. Из Петербурга в Моск-

ву на 120-сильном “фиате” ехали три англичанина – Петер Ховкер, Реджинальд Генди, Бодерст и механик Бланки, которые намеревались сделать на автомобиле кругосветное путешествие Лондон – Петербург – Москва – Пекин и т. д. На машине было много груза, так что сидели они в страшной тесноте. Из Клина они выехали под вечер и были у деревни Дурыкино в самую темноту. Тут на шоссе был первый шлагбаум. Не заметив его в темноте, они не остановили машины, и автомобиль на полном ходу налетел на опущенный шлагбаум. У Ховкера от удара о бревно шлагбаума раскрошена была челюсть и разорван язык. Бодерст успел инстинктивно соскочить с сиденья и потому отделался ударом по подбородку и рукам, у механика разбитыми оказались нос и один глаз. К счастью, от сильного удара мотор сломался, и машина остановилась. Постра-

давших перенесли по соседству в дом Спечинских, а потом отвезли в лечебницу Постникова в Москву.

Получив об этом печальном происшествии донесение, я для его расследования тотчас командировал на место катастрофы состоявшего при мне полковника Гарденина. Виной всему оказался дорожный отдел московского губернского земства, который по небрежности не озаботился надлежащим освещением местности близ шлагбаума. Я поэтому был принужден предложить губернской земской управе озаботиться устройством, в течение 5 дней, на всех шлагбаумах в пределах губернии красных сигнальных фонарей, которые прикрепить к бревну шлагбаума, посередине его. В лечебнице Постникова, после 3-часовой операции, удалось Ховкеру связать челюсть, защитить язык, и, благодаря искусству хирурга П. И. Постникова и безукоризненному уходу, все три англичанина стали быстро поправляться. Я несколько раз был у них в лечебнице, они были бодры и надеялись закончить задуманное путешествие».

В воспоминаниях актера Ю. Юрьева описывается забавный эпизод из жизни купца Солодовникова: «Ему необходимо было сделать операцию. Он решил оперироваться у себя на дому. Хирург – кажется, профессор Склифосовский – согласился, но просил Солодовникова озаботиться приобретением некоторых хирургических инструментов. Солодовников для этой цели отправился на Сухаревский рынок и там по дешевке купил подержанный инструмент, оказавшийся заржавленным. Разумеется, Склифосовский отказался воспользоваться такими инструментами, и Солодовникову пришлось скрепя сердце добыть их у Швабе на Кузнецком Мосту...»

Скорее всего этим хирургом был не Склифосовский, а Петр Иванович Постни-

Кабинет деда в лечебнице на Б. Дмитровке, конец 1890-х годов

Лечебница на Спиридоновке, 1900-е гг.

ков, так как имя упомянутого купца-мецената стоит в числе других, подписавших «благодарственную грамоту» моему деду.

Другой купец-меценат, Алексей Александрович Бахрушин, был однокашником деда по гимназии Креймана. По словам сына Бахрушина, Петр Иванович «был единственным из школьных товарищей отца, с которым он не потерял связи впоследствии». Приведу фрагмент воспоминаний Ю.А. Бахрушина о моем деде:

«Известнейший московский хирург Петр Иванович Постников порой бывал в нашем доме как гость и вызывался неизменно в случае болезни кого-либо, где требовалось хирургическое вмешательство. Лично я помню его с малолетства. Совершенно лысый, с приплюснутым носом и гнусавым голосом, он появлялся у нас своей быстрой переваливающейся, шаркающей походкой, с черной шелковой ермолкой на голове. Говорил он

отрывисто и чрезвычайно громко – кричал. Противник полумер, он всегда применял радикальные средства и обычно с успехом, так как вообще говорили, что у него “рука легкая”.

Помню, когда мне было лет шесть, я подскользнулся на улице и очень неловко упал. У меня заболела нога, боль медленно проходила, а когда прошла, я начал хромать. Призванные доктора щупали меня, качали головами и разводили руками, констатируя, что мне грозит костный туберкулез и что нога перестанет расти. Тут был вызван Постников. Он быстро прощупал мою ногу – пальцы у него были особые, словно без костей и, казалось, проникали куда-то под кожу.

– Пустяки, – заорал он, – йоду, согревающий компресс из йода!

Он тут же все предписанное самолично проделал со мной с исключительной ловкостью. Больно было ужасно, жгло отчаянно;

когда через очень короткий срок компресс был снят, нога оказалась без кожи. Ее чем-то смазали, и очень быстро весь болезненный процесс был ликвидирован и никогда не возобновлялся. Позднее у меня был нарыв на ноге, который никак не проходил. Пробовали компрессы, вытягивающий пластырь – ничего не помогало. Я был отвезен отцом к Постникову. Меня очень забавляло, как они называли друг друга Петрушей и Алешей, уменьшительным именем, которым отца звали лишь немногие знавшие его в детстве. Петр Ив. осмотрел больное место и попробовал отдернуть намертво присохший к болячке вытяжной пластырь. Я поморщился от боли.

– Ну-ну, не криви морду-то, – заорал он, – а то!.. – И как дернет пластырь изо всей силы. Я заорал.

– Ну, теперь ори – все в порядке! – Постников держал в руке пластырь и рассматривал его – весь очаг заразы был им выдернут с тряпкой вместе. Через несколько дней я был здоров.

Много-много лет спустя, уже после революции, я как-то встретился с П.И. Постниковым на рыбной ловле на озере Сенеж. День

был ветреный, и выезжать на озеро не было смысла. Мы сидели на веранде гостиницы и отдыхали. Я спросил Петра Ивановича, какие были самые трудные операции в его жизни.

– Трудные или сложные? – выкрикнул он вопрос.

– Расскажите уж и то и другое.

– Расскажу уж сразу о самой трудной и самой сложной. Человек ехал в карете и высунулся из окна крикнуть кучеру, что он не туда заворачивает. В это время встречный ломовой, у которого задурила лошадь, въехал ему концом оглобли в рот. Хорошо еще, что он успел откинуть голову, но все равно во рту было черт знает что. Пришлось разбираться во всей этой каше и определять что к чему: зубы, десны, нёбо – все это перемешалось. Ну... разобрался – поставил на ноги...

Рыбу ловил Петр Иванович на Сенеже обычно один, выезжая в самые невероятные, лишь ему одному известные места, не посещаемые другими рыболовами, но приезжал обратно почти всегда с крупными экземплярами.

Человек он был необычайной физической силы – разгибал подковы, железного здоровья и необузданного, буйного характера. В молодости, подвыпив, в Крыму он на пари спрыгнул спиной с Байдарских ворот. После прыжка, когда его несли в ближайшую больницу, он молил, чтобы его убили – столь болезненная была эта переноска, так как добрая половина костей была у него переломана, но через короткое время он снова был здоров, и единственным воспоминанием о прыжке остались шаркающая походка и приплюснутый нос».

Между прочим, рыбалка сослужила деду хорошую службу. В тот день, когда был ранен Ленин, послали за хирургом Постниковым. Но, к счастью, его не оказалось дома: он

П.И. Постников с дочерью Кирией на рыбалке, 1928

был на рыбалке. Неизвестно, как сложилась бы жизнь деда, если бы ему пришлось делать операцию вождю революции.

Выше я назвала имена нескольких известных купцов-меценатов, хорошо знавших Петра Ивановича. Было бы несправедливо обойти молчанием его тезку – Петра Ивановича Щукина, создателя частного музея «Российских древностей». В его воспоминаниях содержатся интересные сведения о моем прадеде, отце Петра Ивановича:

«Врач Иван Петрович Постников приходился двоюродным братом моей матери и

Петр Иванович Постников, 1935

жил в Кудрине, в собственном доме, одна стена выходила в сад и была вся до крыши покрыта диким виноградом. Иван Петрович сам возделывал свой сад и сажал цветы; был он также охотник до разных зверей, которых дрессировал: своего попугая Иван Петрович научил говорить: “Всякое дыхание да хвалит Господа”. Иван Петрович увлекался фельетонами некоего Берендея в “Современных известиях”. Врачебной практикой Постников пренебрегал, и когда ему говорили: “Не понимаем, как вы можете лечить”, – он добродушно отвечал: “А я не понимаю, как у меня

Крестины Саши Живаго, внука О.П. Постниковой, в доме на Б. Никитской, 1914

могут лечиться». Иван Петрович любил рассказывать анекдоты вроде того, как одна девочка, кушая дичь и проглотивши дробинку, с испугу воскликнула: «Мама, я зарядилась, я выстрелю», или что в одном рецепте для приготовления какого-то вина было сказано: «Для знатока положи веточку бузины». За обедом Иван Петрович имел обыкновение показывать разные фокусы. Жена Ивана Петровича Марья Михайловна была очень добрая и деятельная. Два сына его – Александр и Петр – были отличные гимнасты. Александр Иванович был притом замечательный конькобежец и давал уроки гимнастики в учебных заведениях Москвы; к сожалению, он впоследствии сошел с ума и вскоре умер. Петр Иванович Постников, известный в Москве хирург, здравствует и поныне».

Действительно, в молодости дед работал в цирке гимнастом. Кроме того, он прекрасно жонглировал и мог рассмешить любого. Константин Сергеевич Станиславский умолял мою бабушку поговорить с Петром Ивановичем, чтобы он не гримасничал, не корчил рожи, сидя в первом ряду на его спектаклях, а то актеры давятся от смеха. За это он обещал по первому зову предоставлять Петру Ивановичу «свои» кресла в 8-м ряду. Я помню, как с мамой, сидя в этих самых креслах, смотрела «Синюю птицу». Моя няня Варвара Ивановна перешла к нам от Станиславских, а точнее – от их внучки Киляли. Константин Сергеевич крестил меня с балкона, когда я с няней гуляла во дворе его дома, где сейчас находится музей Станиславского. Моя няня Варвара Ивановна жила в соседнем доме, а с нами жила мамина няня – Прасковья Михайловна. По тем временам квартира, в которую въехали Постниковы в 1910 году, считалась небольшой и состояла из следующих комнат: гостиной, столовой, спальни, буфетной, кабинета, приемной, или «хирургической», где Петр Иванович

В день бракосочетания Марины Сперанской и Бориса Юргеева, 21 февраля 1960 г.

Марина Сперанская, 1961

принимал пациентов, комнаты прислуги. Дети с нянями и гувернантками размещались в трех комнатах во флигеле, отделенных от основных помещений длинным коридором. Самой большой комнатой была столовая с множеством дверей и огромным роялем, с которым пришлось впоследствии расстаться. Ее площадь составляла пятьдесят четыре квадратных метра. Потолок столовой был расписан каким-то художником в знак благодарности за то, что дед спас ему жизнь: несчастный попал под трамвай. А вот потолок двадцатиметровой ванной был стеклянный, как тогда говорили, с верхним светом. По словам бабушки, в парадной стояли мягкие кресла, английские часы. Тут же помещался гардероб, где раздевались мужчины. Маленькую Киру швейцар на руках поднимал на третий этаж.

И вот грянула революция, началось «уплотнение». В первую очередь конфисковали детские комнаты во флигеле. Потом посели-

ли в гостиную цыган. В конце концов за де-душкой оставили столовую. Ольге Петровне достался дедушкин кабинет. Ее дочь Зиночку прописали в приемной вместе с няней Прасковьей Михайловной, а мама оказалась в бывшей спальней. В маленькой комнате жила Настасья Федоровна, бывшая кастелянша дедушкиной лечебницы. Кроме того, в нашем распоряжении был еще тупичок коридора. Впоследствии принадлежавшие нам 64 метра не позволяли ни вступить в кооператив, ни обзавестись дополнительной жилплощадью.

Пожалуй, невозможно в хронологической последовательности назвать всех, кто жил в нашей коммуналке. Нас здесь было около 30 человек. Не обходилось и без курьезов. Выйдя как-то ночью в коридор, обнаруживаю в темноте полураздетого, чуть не плачущего, незнакомого мужичка. Спрашиваю: «Вы кто?» Оказалось, приехал к соседям гость, вышел из их комнаты, а дорогу обратно найти не смог.

Когда в родном городе моего мужа Бориса Ильича Юргая, Бухаре, случилось в 1976 году землетрясение, все его родственники, одиннадцать человек, оставшиеся без крова, приехали к нам. Привезли с собой подстилки красного бархата, на них и спали. В эти же дни приятельница из Киева попросилась переночевать. Где одиннадцать гостей уместилось, там и двенадцатому место найдется. Выделили ей раскладушку в «тупичке», но предупредили: занимай место пораньше, а то уведут. Моя мама шутила: «Землетрясение в Бухаре, а эпицентр на улице Герцена».

Кроме того, в нашей коммуналке много жильцов обитало нелегально. Среди них – Елена Николаевна Кулябко, для нас – баба Лёля. Она была подругой детства маминой сестры Зиночки. Незамужняя Зиночка работала лаборанткой у академика Льва Зильбе-

ра. Елена Николаевна в молодости была близким другом Тухачевского. Она и ее брат, Николай Николаевич Кулябко, были репрессированы и после войны вернулись в Москву. Жилье Елене Николаевне не предоставили, и она всю жизнь прожила в нашей квартире. Работала она в регистратуре поликлиники. И Зиночка, и баба Лёля были в молодости страстными театралками. В связи с этим вспоминается забавный эпизод. После окончания школы я решила поступать в Текстильный институт, где моя мама преподавала немецкий и французский. Начались вступительные экзамены. Буквально за вечер до экзамена по литературе выяснилось, что в списке «обязательных произведений» стоит «Гамлет» Шекспира. Я в панике: в школе мы его не проходили, и времени на его прочтение уже почти не оставалось. Попросила Зиночку и бабу Лёлю пересказать мне краткое содержание «Гамлета». Они было начали рассказывать, а потом увлеклись и стали вспоминать театральные постановки по произведениям Шекспира: где? когда? в каком театре? кто в главных ролях? Им было абсолютно не до меня. Я схватила Шекспира. Прочитала за ночь 28 страниц. Напряженная подготовка к экзамену по литературе навсегда отбила у меня желание дочитать «Гамлета» до конца. У Зиночки и бабы Лёли было еще одно любимое занятие – игра в карты. И я, и мама, и мой муж охотно присоединялись к ним.

Среди жильцов-нелегалов, как сказали бы сегодня, была также Фаня Львовна. В детстве она отличалась необыкновенными музыкальными способностями, гастролировала за рубежом. Всю оставшуюся жизнь она не могла этого забыть, впадала в истерики. Под стать Фане Львовне был ее брат Федор Львович: он тоже не мог забыть своего революционного прошлого, даже на кухню ходил с наганом. Федор Львович потом съехал, а Фа-

Зинаида Леонидовна Байдакова (Зиночка), 1928

не Львовне никак не удавалось прописаться к своей сестре, Берте Львовне. И когда Берта умерла, Фаня несколько дней скрывала ее смерть, предпринимая отчаянные попытки зацепиться за комнату. Ее выселили, а в эту комнату въехала интеллигентная семья Га-раевых.

Мать семейства Раиса Владимировна работала в Институте культуры. Ее сын Володя, мой ровесник, был нашим соседом по коммуналке все оставшиеся годы и получил отдельную квартиру года за два до нас. Когда его сестра Кира вышла замуж за молодого человека по имени Марк, комнату разделили на две части. Кире досталась меньшая. Так они и жили в тринадцати метрах вдвоем: Кира, Марк и их маленький сын. «Повернуть бы мою комнату набок», – говорил Кири-н муж.

Расставшись с моим отцом, Сергеем Георгиевичем Сперанским, моя мама после войны вышла замуж за Марка Семеновича Бо-

родовского, который переехал к нам вместе со своим сыном Августом. Марк Семенович был очень одаренным человеком: писал стихи, сочинял песни, собирал вокруг себя талантливых людей. Его не стало в 1955 году.

Удивительное совпадение: в одной квартире оказались две Киры и два Марка. И в том и в другом случае – муж и жена. После смерти Марка Семеновича произошел поистине трагикомический эпизод. Раздался в коридоре телефонный звонок, и кто-то попросил позвать Марка. На том конце провода сказали: «Он умер». В ответ – отчаянные возгласы. Выяснилось, что к телефону просили молодого Марка.

Что поделаешь, смерть и жизнь всегда идут бок о бок, рука об руку. Как тут не вспомнить любимую поговорку Елизаветы Соломоновны Дербер, тещи академика Акушского, проживавшей (тоже нелегально) в нашей коммуналке: «Что покойнички едят, так и выглядят». Израиль Яковлевич Акушский со своей хорошенькой молодой женой Галей Дербер появился у нас незадолго до войны или во время войны. Они въехали в комнату, бывшую столовую, которая числилась сначала за Петром Ивановичем, а после его смерти в ней жила семья доктора Гагасяна. В 30-е годы Израиль Яковлевич был репрессирован. В ссылке он написал не только кандидатскую, но и докторскую диссертацию по математике. Защищал их в Алма-Ате, вскоре был реабилитирован и избран членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР. В Москве академик Акушский работал на оборонных предприятиях и был человеком, совершенно далеким от быта. Хозяйством занималась его теща Елизавета Соломоновна, успевшая в разгар сталинских репрессий побывать в «местах не столь отдаленных». Она прекрасно готовила и была в курсе всех кухонных дел. Холодильников в ту пору не было. Кастрюльки

стояли на столах. Когда я после работы влетала, голодная, в кухню, Елизавета Соломоновна уже стояла на своем «боевом посту». «У вас сегодня щи, но невкусные», – докладывала она.

Другая соседка, Анна Михайловна, могла позволить себе не только поинтересоваться содержимым кастрюльки, но и без разрешения позаимствовать что-то. Так, однажды из моей кастрюли исчезла курица, которая варилась на плите, – стоило мне на десять минут отлучиться в комнату.

– Анна Михайловна, вы, случайно, не знаете, где моя курица?

– Мариночка, я ее взяла на 5 минут – только на бульончик.

Ее дочь Мария Сергеевна, архитектор по профессии, была необычайно хороша собой. Из ванной она выходила в распахнутом халате, а по телефону в коридоре разговаривала почти обнаженная, прикрыв переднюю часть тела полотенцем. Мужчины-соседи могли бесплатно любоваться тем местом, в которое плавно переходила спина. Иногда из комнаты доносился ее звучный голос, обращенный к Анне Михайловне: «Я хочу жить с мужиком, а я с тобой, стервой, живу».

Честно говоря, голым телом трудно было удивить кого-то в нашей квартире. В 9-метровой комнате проживали две толстые дамы – Надежда Емельяновна и Мария Егоровна. Мама называла их «мясопотамы». Однажды они решили самовольно вселиться в освободившуюся комнату большей площади. Явилась милиция их выселять. Чтобы воспрепятствовать этому, Надежда Емельяновна улеглась в голом виде на кровать. Участковый вышел в коридор и стал звонить в отделение милиции:

– Что делать? Она лежит голая на кровати.

– Тащите ее вместе с кроватью, – услышал он в ответ.

Надежду Емельяновну действительно вытаскивали в коридор вместе с кроватью. Пришлось встать и расстаться с мечтой.

Многие жители коммуналок в ту пору были одержимы стремлением увеличить свою жилплощадь. У одной маминой подруги была пятиметровая комната. В результате многочисленных обменов неутомимая дама оказалась в готической башне высотой 11 метров, где-то в районе Поварской. «Пока так, а потом, может быть, три этажа сделаю», – говорила она.

Мои другие дедушка и бабушка, Георгий Несторович и Елизавета Петровна Сперанские, жили в отдельной квартире в доме на улице Чкалова. Дед был известный педиатр, академик, лечивший «кремлевских детей». Мое детство прошло на даче Сперанских, в Туристе. После развода с отцом у мамы на всю жизнь сохранились теплые отношения с его родителями. И Елизавета Петровна, и мама были заядлыми курильщицами. Запах табака, пожалуй, стоит на первом месте в списке запахов моего детства. В раннем возрасте я всегда недоумевала, когда кто-то спрашивал у нас в гостях: «Можно закурить?» Дедушка, напротив, возмущался, узнав, что старшие дети Сперанских балуются папиросами. «Гоня, почему ты детям не разрешаешь курить?» – не понимала бабушка. «Кира, выкури папироску, и есть расхочется», – советовала Елизавета Петровна беременной маме, когда невестка пожаловалась ей на чувство голода.

Мама, так же как и Елизавета Петровна, не любила готовить. Правда, у бабушки в доме всегда были помощницы. Мама в лучшем случае могла сварить гречневую кашу в чугунной сковородке. Однажды мне пришлось на неделю оставить ее с моей маленькой дочкой Лизой на даче.

– Как же вы тут будете без меня?

– Как-нибудь проживем. Котлеты я уж, конечно, делать не буду. Я кашу сварю.

Четыре поколения Постниковых-Сперанских: Марина Сергеевна, Кира Петровна, Лиза с дочкой Сашей, 1988

Когда Лиза стала ходить в школу, Кира Петровна освоила два блюда, которые могла предложить внучке после уроков. Первое – два яйца всмятку, хлеб и масло, второе – ряженка, если Лиза отказывалась от еды.

Кира Петровна, несмотря на свои прекрасные внешние данные, была абсолютно равнодушна к модной одежде. В спешке надевала вещи наизнанку, могла выйти на прогулку с собакой – без собаки.

Первую собаку, появившуюся в нашей семье, звали Бьюти. Мне до сих пор греют душу слова моего мужа, сказанные мне пятьдесят лет назад: «Ты у меня самая хорошая, но Бьюти лучше». Потом была Белочка, приблудившаяся на даче, Маша, дворняжка Джек. Кот Киса-Мася прожил у нас девятнадцать лет. Говорят, у котов девять жизней, и, чувствуя свою смерть, они уходят в никуда. Я мало верила в подобную мистику, пока с нашим котом не случилось нечто подобное. Он просто исчез, как сквозь землю провалился.

Киса-Мася уже был старым и немощным. Не то что на подоконник – на стул уже не мог запрыгнуть. Поэтому все предположения о том, что кот мог выбраться из квартиры в форточку или убежать через неосторожно открытую дверь, совершенно абсурдны. Мы последними покидали нашу коммуналку, и у меня была призрачная надежда найти его шкурку с косточками в пустой квартире. Поиски оказались тщетными. Киса-Мася ушел в никуда.

Кира Петровна любила животных, но зоопарк обходила стороной. Когда-то в молодости она повела группу маленьких детей в зоопарк и не заметила, как один мальчишка сунул голову в клетку с дикими кабанами. Кира Петровна от страха чуть не упала в обморок. Кое-как ей все-таки удалось вытащить голову мальчугана из клетки. Он так и не понял, какая опасность ему угрожала. «А меня свинка в нос поцеловала», – радостно сообщил мальчишка.

Семейное торжество в доме на улице Герцена, 1926

«Большого страха я в своей жизни не испытывала», – признавалась Кира Петровна, всегда сохранявшая самообладание в тяжелых ситуациях. Это качество, вероятно, досталось ей по наследству от ее мамы, Ольги Петровны. 16 октября 1941 года, когда немцы подступали к Москве, она призывала Киру записаться на фронт и защищать родной город от врагов. В старости бабушка обожала читать французские романы. Она уже не помнила имена домочадцев, далекое прошлое принимала за настоящее, но прочитанные романы почти все знала наизусть. И когда Зиночка пыталась по второму разу всучить ей книгу, бабушка возмущенно говорила: «Что вы мне подсовываете? Я уже это читала!»

Мама была убеждена, что родители не могут научить своих детей иностранному языку. Поэтому немецким языком я ходила заниматься к маминой знакомой, жившей в Мерзляковском переулке. Мама в свою оче-

редь учила ее внука. От своей преподавательницы (к сожалению, помню только фамилию – Скалон) я узнала, что во время бомбежки голова Тимирязева, памятник которому был открыт в 1923 году у Никитских Ворот, оторвалась от туловища и благополучно влетела в их кухню в Мерзляковском переулке. В книге А. Митрофанова «Прогулки по старой Москве. Большая Никитская» таких сведений о памятнике Тимирязеву нет, хотя и говорится, что во время бомбардировки его опрокинуло взрывной волной, но «спустя буквально несколько часов скульптура вновь заняла свое место на высоком постаменте». Мои друзья не могут поверить в реальность этой истории и разводят руками, представляя траекторию движения головы Тимирязева. Кто сомневается – пусть отнесет этот рассказ к разряду «московских баск».

В нашем доме всегда радушно принимали гостей. Шумно и весело отмечались дни

рождения, по праздникам собирались многочисленные близкие и дальние родственники. Особенно радовали нас шуточные подарки. Непревзойденным мастером этого жанра остается Инна Борисовна Шустова, давний друг нашего дома, жена маминого пасынка Августа. Милый, талантливый человек, она всю жизнь проработала редактором в издательстве «Детская литература». Мы бережно храним ее поэтические экспромты. Вот, к примеру, стихотворение, написанное по случаю дня рождения моего мужа, получившего от Инны в подарок зимнюю кроличью шапку (достать ее в те времена было не просто!):

*Мистер Боря из города Москоу
Что-то начал испытывать тоскоу,
Потому что, ой-ой, он без шапки зимой –
Мистер Боря из города Москоу.*

*Миссис Инна из города Москоу
В день рожденья явилась с поноскоу.*

*И теперь головой не замерзнет зимой
Мистер Боря из города Москоу.*

А вот опус, врученный вместе с подарком в другой раз:

*Будь здоров и счастлив, Боря – Боря, Оря,
Ря,
Чтоб тебе не видеть горя, прощя говоря.
Дарим мы тебе рубаику – баику, аику,
ику.*

*Ешь в ней каику, пей в ней бражку,
В ней ходи в свою гаражку –
Счастлив будь, ку-ку.*

Три года назад мы выехали из нашей коммунальной квартиры. Покидая ее, на прощание я выкопала куст мальвы, росший во дворе дома № 26 по Большой Никитской. Сейчас он цветет под окном нашего загородного дома...

С.В. Максимова

НОВЫЙ КОВЧЕГ

В 1923 году мы с матерью получили небольшую комнату (9 кв. м) в квартире на верхнем этаже шестизэтажного доходного дома, который строился в девятисотых годах для богатых жильцов и соединял приятное положение на тихой улице дворянского квартала с редким для своего времени комфортом. В доме было паровое отопление, в каждой квартире телефон и ванна с газовой колонкой. А газ в двадцатые был в Москве большой редкостью, да и телефоны не так уж часто встречались.

К двадцать третьему году большие барские квартиры превратились в коммунальные, и населил их самый разнообразный люд. Октябрьская революция и Гражданская война встряхнули до основания всю страну, сорвало с мест, закружило и перемешало множество народа, так что под одной крышей собирались иногда люди, которые при старых порядках никак не могли жить в тесном общении и соседстве. Как раз таким маленьким Невым ковчегом оказалась наша квартира. Судите сами.

В комнате напротив входной двери жила с девятилетней дочкой Алиса Генриховна Якобсон – сдобная, бело-розовая петербургская немка с мягкими округлыми чертами лица и плавными движениями, спокойная и малообщительная. Ее отец был владельцем четырех аптек в Петербурге, и она, верная

семейной традиции, работала в аптеке (или в аптекоуправлении? – я в этом не разбиралась). Никто не знал, куда девались ее отец и муж, почему она очутилась в Москве, но она сохранила кое-какие остатки бывшего благосостояния, например каракулевое манто и золотое обручальное кольцо, не проданное в голодные годы военного коммунизма. Еще были у нее сожителю, агент-снабженец из частного предприятия, и домработница Аксю-

ша, женщина лет сорока, в прошлом ткачиха, подавшаяся в прислуги во время голода и разрухи. С помощью занавесок для Аксюши был отгорожен в коридоре закуток рядом с дверью Алисы Генриховны.

За Якобсонами шел «пенал», изначально, конечно, не существовавший, в какой-то момент отрезанный перегородкой от соседней большой комнаты, неудобно узкий и больше похожий на чулан, чем на нормальное жилище. Его занимала Иванова, женотделка с бумагопрядильной фабрики. Увидев ее впервые, я остолбенела – мне навстречу живьем двигалась та самая работница, которая красовалась на всех плакатах, изображавших единение пролетариата с крестьянством, праздничные шествия и тому подобное. В красном платочке, мешковатой куртке из телячьей шкуры, черной юбке и полуботинках без каблуков, с усредненно-русским лицом. Телячьи куртки были настолько широко распространены в те времена среди советских и партийных работников низших рангов, что казались своего рода униформой. Иванова жила в «пенале» одна-одинешенька, но понятие «жила» не очень подходило: до того отсутствовал у нее какой-либо быт, какие-либо житейские проявления. Никто к ней просто так, навестить, не приходил – ни родные, ни знакомые, сама она никогда не выходила в свободные часы поговорить с соседями, хотя бы с той же Аксюшей, бывшей ткачихой, человеком из родственной рабочей сферы. Стола на кухне у нее не было, только на большой дореволюционной плите где-то сбоку сиротливо стояла керосинка, на которую, и то не каждый день, ставился маленький жестяной чайник. Другой посуды, кроме этого чайника да еще граненого стакана, никто у Ивановой не видел. Время от времени в ванной на ночь развешивалась для просушки простенькая кофточка скучного серого цвета.

В общем, ни дома, ни домашней, частной жизни в биографии этой женщины не существовало. Она целиком была проникнута теми идейными установками, согласно которым семья, дети, кухня, домашний уют, внимание к одежде и тем более стремление как-то ее разнообразить и украсить были объявлены мешанством, буржуазными пережитками, недостойными настоящего советского человека. Советский человек должен был всего себя отдавать производственной и общественной работе, не сползая в мешанское болото. Строились даже так называемые дома нового быта, призванные осуществить на практике эти идеи, избавить людей от унизительных пут индивидуальной собственности, пошлого копания в житейских мелочах и помочь освобожденному духу расправить крылья. Дом нового быта представлял собой комплекс – меблированные жилые комнаты, общественная столовая, общественная прачечная, душевые и библиотека. Предполагалось, что обитатели дома завтракают, обедают и ужинают в столовой, белье отдают в прачечную, а в жилых комнатах спят, читают библиотечные книги, занимаются учебной или творческой работой. Подобные дома воплощали государственные идеалы, рассматривались как наглядная агитация за коммунистический образ жизни. В реальности ничего из этого не получилось. Общественные учреждения очень быстро хирели и отмирали, стихийно возникали семьи, и жилые комнаты становились просто неудобной и тесной жилплощадью. Но теоретические воззрения не поколебались. Они существовали сами по себе, широкие круги трудового люда воспринимали их не рассуждая, можно сказать, подсознательно впитывая их атмосферу, и кто как мог претворяли в жизненную практику. Вот и в нашем Ноевом ковчеге мы встретимся с несколь-

кими вариантами пренебрежения обыденными житейскими делами.

Комната, от которой отрезали «пенал», все-таки оставалась очень большой, а хозяевами ее были бывшие владельцы всей этой квартиры, бывшие дворяне, богатые помещики Петр Николаевич и Анна Дмитриевна. К нему слово «бывший» можно применить еще раз – бывший гвардейский гусар. Здесь надо сразу оговориться. В зависимости от того, как у меня, девчонки, складывались отношения с соседями, одних я запомнила просто по именам или именам-отчествам без фамилий, других – только по фамилиям, а сожителя Алисы Генриховны вовсе без всякого наименования. Он был лицом эпизодическим, тихо проскальзывал в ее комнату или ванную, в разговоры ни с кем не вступал и даже старался по возможности не здороваться. Фамилию Анны Дмитриевны и Петра Николаевича я, вероятно, знала, но она мне была ни к чему и быстро улетучилась из памяти. Поэтому дальше для удобства изложения, а рассказывать об этих людях придется много, я буду условно называть их Кареевы. Так вот. Гусарский офицер Кареев воювал на германской войне, где-то между февралем и октябрём 1917 года был ранен и перед самой революцией вернулся из госпиталя в Москву, опираясь на палочку. Его военная карьера на этом закончилась. В Гражданской войне он не участвовал, остался в Москве и жил с женой в своей городской квартире как далекий от политики штатский человек. Все годы военного коммунизма они существовали за счет распродажи своего имущества. У них были семейные портреты и пейзажи кисти знаменитых художников, драгоценные женские украшения, меха, дорогой фарфор и оригинальная коллекция художественных пасхальных яиц, их много лет собирал Петр Николаевич. К великому моему удивлению, оказа-

лось, что пасхальные яйца бывают не только куриные, но и сделанные из цветных камней, слоновой кости, редких сортов дерева, украшенные тонкой резьбой или росписью – словом, маленькие произведения искусства, которые стоят больших денег. Картины и пасхальные яйца продавались в музеи, остальное, видимо, в частные руки, но об этом я ничего не знаю. Когда начался НЭП, супруги Кареевы нашли себе заработок. Анна Дмитриевна получала от какого-то предприимчивого торговца простые глиняные кувшины, даже не обливные, и разрисовывала их эмалевыми красками, придумывая все новые и новые замечательные узоры. Готовые кувшины она отдавала обратно торговцу, и тот платил ей за художество. Петр Николаевич занялся переплетным делом. Заказчики у него были разные, и переплеты он ставил всякие, в том числе кожаные и текстильные – парчовые, бархатные, набивного полотна. До чего же они были красивы! Я таращила глаза и так искренно восхищалась, что Кареевы пригнали дикую девчонку, приглашали к себе в комнату, позволяли все рассматривать и охотно объясняли что к чему, благо разговоры не мешали их работе. А у них были великолепные, большого формата альбомы репродукций Эрмитажа, Лувра и Дрезденской галереи, масса книг, на стенах висели небольшие, преимущественно акварельные пейзажи, казавшиеся мне верхом совершенства. И когда я млела перед этими пейзажами, мне объяснили, что настоящие картины, написанные талантливыми художниками, уже проданы в голодные годы, а это так, мазня, рисунки самой Анны Дмитриевны и некоторых друзей. В богатых дворянских семьях детей обычно обучали рисованию, и каждый мог набросать такую картинку. Из материального имущества этой семьи меня поразило одеяло из меха кенгуру, двойное, мехом на обе сторо-

ны. Наверно, оно очень выручало владельцев в 1919–1920 годах, когда не работало центральное отопление. А мебель у них в комнате была не теперешняя, из другой жизни, на мой взгляд, напоминавшая театральную постановку, скажем, «Дворянского гнезда» или «Вишневого сада».

По той же стороне коридора, но в самом его конце жили советские служащие с положением. Он был крупным чиновником Госбанка, она – сотрудницей Наркоминдела. Вот его я помню только по фамилии – Урысон, и почти ничего не могу о нем сказать. Высокий сутуловатый мужчина, лысеющий, с бледным лицом и отсутствующим взглядом. Он довольно поздно возвращался с работы, проходил в свою комнату и больше не появлялся, а на кухне сразу начинала хлопотать с обедом их домработница Поля. Жену Урысона звали Евгения Исаковна, и эта очень красивая, элегантная и общительная женщина в семейном дуэте была определяющей фигурой. Не могу сказать, какую должность она занимала в своем наркомате, знаю только, что ей нередко приходилось бывать на дипломатических приемах и сопровождать приезжающих важных иностранцев, иногда даже в дальних поездках. Возможно, что какую-то роль тут играла ее эффектная внешность, но надо заметить, что эта красавица знала в совершенстве пять языков, владела стенографией и машинописью и умела вести коммерческую корреспонденцию. Видимо, ее отец, лодзинский фабрикант, готовил себе из дочери делового помощника и преемника, но...

судьба распорядилась иначе. А деловая хватка была у нее в крови и вне службы проявлялась в рациональном поведении и устройстве домашнего быта. Она почти не применяла косметики, объясняя, что при многолетнем употреблении от нее портится кожа, но, желая сохранить свежесть лица, мыла его миндальными отрубями. Неукоснительно делала по утрам зарядку. Перед тем как идти на дипломатический прием, в течение часа лежала расслабившись в темноте (обязательно в темноте!). Это помогало превратиться из озабоченного чиновника в светскую даму и придавало особую яркость глазам. Она научила Полю готовить разнообразно и вкусно, исключив из меню тяжелые, жирные блюда и, конечно, пироги, блины и прочее в этом роде. В обстановке комнаты не было ничего лишнего, в том числе и книг, но зато была пишущая машинка, вещь необычная в те годы. Мебели немного, но вся подобранная со вкусом, очень современная, а безукоризненно натертый светлый паркет и футуристического рисунка оконные шторы делали жили-

ще Евгении Исаковны нарядным, под стать хозяйке, блиставшей разнообразными модными туалетами. Поля жила в комнатке для прислуги, которая в таких квартирах всегда существовала при кухне.

Комната напротив Урысонов принадлежала молодой супружеской паре, Дане и Розе, инженерам, партийцам, типичным представителям новой советской общественности. Оба работали на заводе, он – в цеху, она – в плановом отделе. Простодушные, немного безалаберные (в основном Роза), они жили, не утруждая себя бытом, беззаботно и дружно, хотя казались совсем разными. Даня, родом из Рязанской области, так и выглядел рязанским деревенским пареньком – бело-волосый, сухощавый, спокойный (невольно хотелось сказать – степенный). Роза была черненькая, вся пухленькая, с очень пышным бюстом, быстрая и громогласная. Происходила она из большой дружной еврейской семьи откуда-то из-под Житомира, в Москву приехала учиться, да так здесь и осталась, увлеченная вихрем комсомольской работы и общественной жизни. Навыки родительской семьи быстро улетучились, и в собственной замужней жизни она никоим образом не сползала в болото домостроительства и домашних хлопот. Спальным местом у них служил накрытый серым солдатским одеялом пружинный матрас, поставленный на невысокие козлы. Кроме этого, в комнате был только стол грубой работы, три табуретки и Данин кульман, на котором он делал чертежи своих рационализаторских приспособлений. О занавесках на окне даже вопрос не возникал. С потолка свешивалась голая лампочка с очень длинным шнуром, поэтому ее можно было по желанию подтянуть к кульману или к «дивану», пристраивая на гвоздях, вбитых в нужных местах. Почти у самых дверей было еще три больших гвоздя, на них вешали не-

многочисленные одежки. Нет, это было не от бедности. Зарабатывали Роза с Даней хорошо, иждивенцев не имели, во время НЭПа можно было купить без труда все что хочешь, просто ими владела та же, что у Ивановой, идеологическая идея безбытности, пренебрежения житейским обиходом. Но здесь она была мягче, не так сурова, не так последовательна. Во-первых, они были хоть маленькой, но дружной семьей и как-то пропускали мимо ушей все устные и письменные отрицания этого устаревшего понятия, клубившиеся вокруг проповеди свободной любви (взять, к примеру, книжку Коллонтай «Любовь пчел трудовых», не говоря уж о другой литературе). Во-вторых, они, конечно, в общем одобряли освобождение женщин от кухни и кастрюлек (тогда это называлось раскрепощением), пытались в основном в заводской столовой, но и дома от еды тоже не отказывались. Возвращаясь с работы, Роза приносила хлеб и большой кусок колбасы или ветчины, раскладывала это на бумаге, и они с Даней под чай и разговоры все уминали. Бывало, что яичницу жарили, а то и картошку варили и ели ее с селедкой. Хозяйством это не назовешь, однако были какие-то кастрюльки-сковородки, и столик на кухне тоже понадобился.

Теперь дошла очередь до нас с матерью. Матушка моя в двадцатых годах преподавала ручной труд в железнодорожной школе, где я училась. Школа у нас была богатая, передовая, и каждый школьник мог выбирать по своему вкусу одну из трех трудовых мастерских – столярную, переплетную или швейную. Мать вела швейную. Она очень гордилась своей принадлежностью к учительскому цеху и твердо верила, что советская школа наконец принесет рабочему классу образование, которого он всегда так жаждал и был лишен при царизме. Сама она,

происходя из очень бедной сельской семьи, о школе не могла и мечтать. Элементарной грамоте (читать, писать, четыре действия арифметики) она научилась уже взрослой фабричной работницей в полулегальной воскресной школе, их тогда устраивали для рабочих социал-демократические студенты. Конечно, там не только обучали грамоте, но и пропагандировали революционные идеи, и вовлекали в революционное движение. Для молодой работницы это было откровением, перевернувшим и наполнившим всю ее жизнь. Потом была подпольная работа, активное участие в революции 1905 года, тюрьма, скитания, с трудом залеченная чахотка... Но через все бурные события в стране и собственной жизни она пронесла в неприкосновенности убеждения и понятия, усвоенные в молодости. Например, от пропагандистов того времени пришел набор литературных произведений, своего рода энциклопедия борьбы самых разных угнетенных за свободу, который мать считала необходимым каждому человеку для духовного становления. В него входили: Степняк-Кравчинский «Подпольная Россия», Тан-Богораз «Чукотские рассказы», Войнич «Овод», Джованьоли «Спартак», Гюго «Отверженные», Еж «На рассвете». Из всего списка достаточно известны только «Овод», «Спартак» и «Отверженные». Остальные уже в двадцатые годы помнил, может быть, лишь кто-нибудь из стариков. Для меня эти редкости мать где-то раздобыла, а кроме меня, из молодежи о них никто и не слышал. Литературно слабые, они были написаны с добрыми чувствами, и их персонажи вели себя героически и самоотверженно.

Неизменными остались у матушки также уровень образования и безграничная преданность общественной деятельности. В это время она была активной общественницей Областного дома работников просвещения, пропадая там почти все время, свободное от работы в школе. Обедала в вегетарианской столовой Толстовского общества в Газетном переулке, и меня тоже отправляла в эту столовую. Господи! Все эти морковные и капустные котлеты, шпинаты и прочие прелести вызвали у меня прочную, на всю жизнь, ненависть к вегетарианской еде и вегетарианцам. Дома что-то съедобное у нас, конечно, водилось, но ничего об этом не могу вспомнить. Ясно только, что не колбаса и не ветчина, потому что мы были заметно беднее Дани и Розы. Поскольку мать мало бывала дома, я оказалась практически безнадзорным, дикорастущим подростком, но несколько этим не огорчалась. Скорей радовалась. А вообще, по стилю жизни мы были близки к нашим инженерам, но у матери было маленькое личное отступление от идейного аскетизма — она спала на кровати с

панцирной сеткой и двумя матрасами, волосяным и ватным. Мне всегда казалось, что эту свою единственную роскошь она вымечтала в годы скитальческой нелегальной жизни, когда доводилось ночевать где придется и спать на чем придется.

Несмотря на столь пестрое население, наша квартира в известной степени сохраняла облик нормального односемейного дома – никаких многочисленных звонков на входной двери, никаких индивидуальных электросчетчиков, натканных в разных местах. Счетчик единственный, коридор с хорошо натертым паркетом не загроможден вещами. Лишь в кухне отчетливо было видно, сколько семей тут обитает, потому что каждой принадлежал свой отдельный столик и своя отдельная посудная полка на стене. Кухня была очень большая. В ней свободно размещались не только пять столиков, но находилась огромная плита, на которой стояли строем примусы и керосинки (газ был только в ванной). Впоследствии эта плита служила сценой, где я и моя подруга Таня устраивали представления. Все, что могло создавать конфликтные ситуации в разношерстном коллективе, было обдумано и организовано так, что никого не задевало и, наоборот, всем было удобно. Уборку помещений общего пользования полагалось делать по очереди, неделю на каждого человека. Но Анна Дмитриевна, заручившись согласием Евгении Исаковны, договорилась с Полей, что она будет убирать за всех, а мы будем ей платить. Поля радовалась возможности подработать, прочих жильцов это вполне устраивало, даже мою матушку, которая не одобряла эксплуатации человека человеком: ей было некогда и ее часто мучила язва желудка. Зато возможные разногласия по поводу качества или способов уборки при таком порядке отпадали. Расчеты за электричество представляли сложную про-

цедуру. Сначала подсчитывалось общее количество свечей во всех лампах общественных и частных помещений (тогда почему-то потребляемая энергия определялась по свечам, а не по ваттам). Потом устанавливалась стоимость одной свечи. Потом вычислялось, сколько нажгли лампы личной принадлежности, – скажем, наши две лампы столько-то рублей-копеек, Данина-Розина голая лампочка – столько-то и т. д. В заключение сумма, приходившаяся на все вместе общественные лампы, делилась по числу людей и добавлялась к индивидуальным расходам. Конечно, всю эту утомительную бухгалтерию взяла на себя Анна Дмитриевна. Каждый раз, окончив расчеты, она разборчиво переписывала их на большой лист бумаги и вывешивала в коридоре около телефона, чтобы каждый мог посмотреть, сколько с него причитается и как получилась такая цифра. По другую сторону телефона висел матерчатый карман, в который опускали деньги, завернув в бумажный пакетик и надписав свою фамилию. На полный сбор отводилось три-четыре дня. И ни разу не пропало ни копейки из безнадзорно болтавшихся в коридорном кармане денег, и никогда не возникали какие-либо недоразумения. Было приятно, что никто не ведет разговоров об этих платежах, не стоит над душой, что все делается так хорошо и просто. Лишь много позднее я поняла, насколько умело и тактично решала Анна Дмитриевна коммунальные проблемы, как бы объединяя в своем лице опытного капитана корабля и главу большого разветвленного семейства. Это уж по «семейной» линии она давала мне книги и альбомы репродукций, объясняла, что такое хариты, мельпомена и прочие непонятные слова, на которые я натыкалась в литературе и которые моей матери были так же непонятны, как мне. А с Розой она провела целое воспи-

тательное мероприятие по поводу ее туалетов. Дело в том, что Роза при своем пренебрежении бытом никогда не имела одновременно несколько платьев. Только одно. Купит какое-нибудь понравившееся ей платье, нередко дорогое, и носит, не спуская с плеч до тех пор, пока оно не залоснится от блеска. Тогда заношенная одежда выбрасывалась и покупалась новая. Правда, летом единственное одеяние время от времени стиралось под выходной день, а пока оно сохло, Роза бегала по дому в физкультурных шароварах и майке. Но в осенне-зимнем сезоне было именно так – купила, затаскала, выбросила. Однажды она появилась в модном платье из хорошей шерсти с вышивкой на воротнике и на груди. Поглядев на него, Анна Дмитриевна не выдержала и начала мягко, но настойчиво внушать Розе, что платьев надо иметь два-три, чтобы можно было стирать или отдавать в чистку, что это не буржуазный предрассудок, а гигиена, что, наконец, от несменяемого платья быстро начинает гадко пахнуть. И ведь убедила! Роза поняла, не обиделась и занялась составлением своего гардероба по программе-минимум под руководством Анны Дмитриевны.

Еще одну особенность нашего квартирного бытия представлял пряничный генерал. Регулярно, раз в две недели, у нас появлялся высокий красивый старик с безукоризненной военной выправкой, бывший генерал царской армии. В руках он нес плоский деревянный ящик, по форме совершенно такой, как этюдник художника, но внутри «этюдника» были пряники, медовые и мятные. Генерал торговал пряниками, которые делал то ли сам лично, то ли его генеральша, и этим кормился. Он так же, как Петр Николаевич, не участвовал в Гражданской войне, так же стал штатским человеком, оказался не у дел и в положении «чуждого элемента». Только один переплетал книги, а другой

Света с мамой, 1923

торговал пряниками. Торговал, правда, своеобразно. Не связывался ни с какими нэпманами-кондитерами, упаси боже, не открывал магазинчик, а носил свой товар в «хорошие дома» приличным людям. Видимо, он все-таки считал торговлю унижительным занятием, и посещение хороших домов было тем компромиссом, который он мог вынести. Наша квартира удостоилась его визитов. Конечно, благодаря Кареевым. А пряники были восхитительные!

Спокойная жизнь без конфликтов и потрясений продолжалась до второй половины 1930 года, когда все начало рушиться. Но в моем рассказе тридцатый год еще далеко впереди, а пока все шло своим чередом. Году в двадцать пятом или двадцать шестом заметно улучшилось положение Кареевых.

СВОДНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ АФИША

С 28-го сентября по 3-ое октября 1926 г.

ТЕАТРЫ | Вторн. 28 | Среда 29 | Четв. 30 | Пятн. 1 | Суббота 2 | Воск. 3

Гос. театр имени
Вс. Мейерхольда
Триумфальная пл., 20
Начало в 8 ч. веч.

28 ЛЕС 29 и 30 МАНДАТ
1 и 2 РЫЧИ, КИТАЙ!
3 ВЕЛИКОДУШНЫЙ РОГОНОСЕЦ

ТЕАТР РЕВОЛЮЦИИ Ул. Герцена, т. 4-49-49.		ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА		2 КОНЕЦ КРИВОРЫЛЬСКА		3 ОЗЕРО ЛЮЛЬ
БОЛЬШОЙ	КАРМЕН	КОРСАР	ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН	ФАУСТ	КНЯЗЬ ИГОРЬ	КОНЕК ГОРБУНОК
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬ- НЫЙ	Чио-Чио-Сан	Царская невеста	РУСАЛКА	Севильский цирюльник	1. Моцарт и Сальери 2. Паяцы	РОМЕО и ДЖУЛЬЕТА
МАЛЫЙ	Собор Париж- ской богома- тери	АРАКЧЕЕВ- ЩИНА	Иван Козырь	Собор Париж- ской богома- тери.	ЗАГМУК	Утр. Холопы Веч. Медвежья свадьба
Имени САФОНОВА	Лево руля!	ЗА ОКЕАНОМ	Свадьба Кречинского	АННА КРИСТИ	1. Женитьба Бальзаминова 2. Завтрак у предводителя	ВОЛЧЬИ ДУШИ
МХАТ	ЦАРЬ ФЕДОР	ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ	ГОРЕ ОТ УМА	Николай I	—	Утр. Синяя птица Веч. Продавец славой
МХАТ 2	В 1825 году	Эрик XIV	БЛОХА	12 НОЧЬ	Евграф, испатель приключений	у. ГИБЕЛЬ НАДЕЖДЫ в. 1825 г.
ГОС. АК. СТУДИЯ имени Евг. ВАХТАНГОВА Арбат, 26. Тел. 2-46-37.	ПРИНЦЕССА ТУРАНДОТ	ВИРИНЕЯ	МАРИОН ДЕ-ЛОРИ	Лев Гурыч Синичкин	ВИРИНЕЯ	ПРИНЦЕССА ТУРАНДОТ
Нач. в 8 ч. веч. Продажа билетов ежедневно с 10—2 и с 5—9 ч. веч.						
КАМЕРНЫЙ ТЕАТР Тверск. бул., 23, т. 5-44-18	АДРИЕННА ЛЕКУВРЕ	КОРОЛЬ АРЛЕКИН	ЖИРОФЛЕ- ЖИРОФЛЯ	КОСМАТАЯ ОБЕЗЬЯНА	КОРОЛЬ АРЛЕКИН	у. Косматая Обезьяна в. Жирофле
Касса открыта с 10 утра до 6 веч. Нач. спектакля утр. в 1 ч., веч. в 8 ч.						
ГОСУД. ЕВРЕЙСКИЙ ТЕАТР М. Бронная, тел. 1-69-10	ПРЕМЬЕРА 28, 29 сентября 137 ДЕТСКИХ ДОМОВ 1 и 2 онт. 30 сент. и 3 октября X ЗАПОВЕДЬ					
ТЕАТР САТИРЫ Б. Гнезниковский Тел. 5-99-99.	ЕЖЕДНЕВНО НА СЧЕТ ЛЮБВИ					
Семперантэ	ЗАБАВА КОРОЛЯ	ЕМЕЛЬКА СТРАШНЫЙ	Гримасы	ЕМЕЛЬКА СТРАШНЫЙ	ГРИМАСЫ	Гримасы
Театр им. МГСПС Каретный р., 3, т. 4-39-34.	ОТКРЫТИЕ СЕЗОНА			1-го 100 СПЕКТАКЛЕЙ 2-го ОВОД 3-го ШТОРМ		

Анна Дмитриевна перестала расписывать кувшины и превратилась в переводчика-договорника при каком-то солидном учреждении, благо знала пять языков, а Петр Николаевич получил место десятника на стройке. В те времена в строительном деле среди работников преобладали практически неграмотные парни, а нужда в грамотных людях была так велика, что его приняли на работу, несмотря на неблагоприятную анкету бывшего помещика и воспитанника Пажеского корпуса. Забегая вперед, скажу, что через два года он уже был бригадиром, через три – прорабом участка, и это положило начало его блестящей инженерно-строительной карьере.

А у меня вспыхнуло долгое и яростное увлечение театром. Вообще-то склонность к театрализации проявлялась и раньше, уже лет в девять, когда мы с подружкой Таней, вырезав из бумаги множество персонажей – индейцев, моряков, благородных барышень и т. д., разыгрывали длинные приключенческие истории, смешивая Луи Буссенара, Жюль Верна и собственные фантазии. Можно себе представить, каково это было, но мы предавались этой игре часами, с великим увлечением. Время шло, эти детские игры забылись, и настоящая театральная лихорадка разгорелась в школьном драмкружке. Сначала я играла мальчишек, потом перешла на роли субреток и характерных старух, выступая одновременно в качестве режиссера и сценариста-инсценизатора. Руководила драмкружком учительница литературы Галина Николаевна, которая режиссурой не занималась, в собственно театральную, постановочную часть работы не вникала, но усиленно внедряла классический репертуар. Поэтому вершиной моих актерских достижений были сваха в «Женитьбе» Гоголя и Лиза в «Горе от ума». Однако театральная страсть перехлестывала за рамки кружка во все стороны. Во-первых, я сделала простень-

кое изобретение и стала ходить по театрам. Изобретение состояло в том, что был найден источник денег, необходимых для приобретения театральных билетов: можно было с умом тратить сорок–пятьдесят копеек, которые мать ежедневно выдавала мне на обед в ненавистой вегетарианской столовой. Купить на 10 коп. хлеба, остальные приберечь, и после двух дней экономии вполне хватало на билет куда-нибудь на балкон или верхний ярус. Вот когда мне пригодилась моя безнадзорная свобода! Я ухитрялась бывать в театре раз десять–двенадцать в месяц, и мать ничего не знала. Она возвращалась из своего Дома работников просвещения поздно, спектакли кончались в 10 часов, все театры были от нас близко, и не позднее половины одиннадцатого я уже мирно спала на своем диванчике (или делала вид, что спала). В школе тоже был полный порядок. Я училась очень хорошо, уроки делала быстро, так что театральный запой на успехах не отражался. И знаете что? Я и сейчас с удовольствием о нем вспоминаю. Ведь мне удалось видеть в двух ролях Станиславского, в четырех – Михаила Чехова, много раз Москвина, в том числе в знаменитом «Царе Федоре». Даже невозможно перечислить всех великолепных актеров, все замечательные спектакли, которые мне довелось посмотреть.

Тут надо на время отвлечься от театральной темы, чтобы рассказать, как были раскрыты мои фокусы со столовой и что вышло из этого разоблачения. Я уже больше года бегала по театрам, и, конечно, в квартире знали, где я пропадаю по вечерам, во всяком случае, знали Анна Дмитриевна и Евгения Исаковна, которым я то и дело проговаривалась. Матери никто не пожаловался. Может быть, считали, что она сама должна заметить, как я отошчала, а может быть, действовало негласное правило не вмешиваться в чужую жизнь, поскольку во всех шести ком-

натах люди были разные и всегда жили по-своему. Так или иначе, тут все было тихо. Но два раза в год, на рождественские и пасхальные каникулы (так они тогда назывались), я ездила в Ленинград к любимой бабушке, и, угощая меня пирогами и украинским борщом, она поражалась, как много я ем. Впору бы не девчонке-подростку, а здоровенному грузчику. Бабушка, хотя совсем неграмотная деревенская женщина, была большая умница. Она легко догадалась, что тут что-то неладно, и, ничего напрямую не выспрашивая, сумела меня разговорить и узнать всю правду. Узнав, не ругала, не стыдила, спокойно отпустила домой в Москву, но через неделю после моего возвращения мать получила от нее телеграмму – встречай такого-то числа, поезд №... вагон №... Поднялся страшный переполох. Ведь что-то

ужасное должно было случиться, чтобы бабушка, которой было больше ста лет, пустилась одна в такое путешествие. Оказалось, что она приехала наводить порядок в голове своей передовой дочери. Отругала ее основательно за то, что забросила дочку, не видит, что девчонка живет на хлебе и чае, гоняет в дурацкую столовую, где вместо доброй еды дают траву. «Ты траву ешь, так у тебя брюхо болит, а девчонка растет, ее как следует кормить надо!» Потом принялась устраивать мое благополучие. Обратилась за помощью к соседям, и ей помогли. У Анны Дмитриевны нашлись какие-то знакомые знакомых, которые на нашей улице содержали небольшую домашнюю столовую, рассчитанную на 60–70 посетителей. Типично нэповское мелкое предприятие. Работали там мать и две дочери, очень милые, воспи-

Помещение театра б. КОРШ

Петровка, Петровский пер., 3. Тел. № 1-85-26.

Е Ж Е Д Н Е В Н О

ГАСТРОЛИ ЗАСЛУЖЕННОЙ АРТИСТКИ ГАСТРОЛИ

Е. М. ГРАНОВСКОЙ

при участии засл. арт. В. В. Максимова, С. Н. Надеждина
и полного ансамбля Ленингр. театра „КОМЕДИЯ“

В 1-й раз в Москве

„Хитрая ВДОВУШКА и ее 4 поклонника“

Комедия в 3 действ. 7 карт. К. Гольдони.

Участв. (по алфавиту): Засл. арт. Грановская, Дмитриевская, Угрюмова, Бельский, Ирипархов, Кручинин, Лавредкий, Комиссаров, Засл. арт. Максимов, Надеждин, Пятницкий, Самойлов, Харламов, Слуги, Пьеро, Пьеретты, Маски.

Режиссеры: К. П. Хохлов и С. Н. Надеждин. Музыка В. М. Дешёвова. Танцы поставлены арт. балета б. Мариинского театра В. М. Вайкопен.

Специальные декорации, костюмы, мебель и бутафория по эскизам худ.

Е. П. Якуниной, в исполнении худ. Ястребцева.

Начало спектаклей в 8 часов.

Касса открыта ежедневно с 11 час. до 9 час. вечера.

таннные, то ли из дворян, то ли из образованного купечества, но безусловно знававшие лучшие времена и совсем другую жизнь. Столовались у них свои постоянные клиенты, кормили они хорошо и старались создать уютную семейную атмосферу. Предусмотрительная бабушка не хотела, чтобы деньги попадали мне в руки, поэтому договаривались, что за меня будет платить мать два раза в месяц, после зарплаты. Для начала внесли аванс, размер которого, примерно соответствующий двухнедельным расходам среднего едока, определили хозяйки. Вот так, бабушкиными стараниями, я развязалась с Толстовским обществом и приобщилась к свиным отбивным, телячьим шницелям, бифштексам по-гамбургски и прочей обеденной благодати. А денег на театральные билеты не стало. Из Харькова приехал в командировку отец (они с матерью давно разошлись) и подарил мне пятнадцать рублей, а потом, узнав о моем огорчении, стал по почте присылать лично мне пять рублей в месяц на театр. Ничего, шесть билетов можно было выкроить.

В моей театромании было еще одно направление – мы с Таней (той самой Таней) время от времени устраивали в нашей квартире домашние представления. Для этого выбирали какую-нибудь расхожую песенку и иронически-пародийно изображали ее в лицах, придумывая немудреные костюмы. Надо сказать, что во время НЭПа Москву залил поток лимоново-бананных песенок с обязательной экзотической обстановкой и жгучими страстями. Вспомним хотя бы их первые строчки: «Под небом знойной Аргентины», «Был в Батавии маленький дом», «Шумит ночной Марсель», «Из Сан-Франциско в Лиссабон», «Джон Грей», «На острове Таити» и так далее в том же духе. Так и просились они в пародию, и мы с Таней по мере своих сил старались сыграть их посмешней.

Вот, например, одна песенка из нашего репертуара:

*На Бродвее шумном чистил Джек
ботинки,
И блестят у негра лишь белки от глаз.
Он влюблен был в ножку маленькой
блондинки,
Машинистки Полли фирмы «Джон
Дуглас».*

*И в четыре ровно, выйдя из конторы,
Подходила Полли к Джеку каждый день.
Туфельки кокетки долго и упорно
Чистил Джек и ваксил, забывши лень.*

*И казалось Джеку, что в огромном Сити
Было только двое в этот чудный миг.
И от ножек Полли к сердцу Джека нити
Протянул лукаво сам Эрот-шутник.*

*Но однажды вышла не в четыре ровно
Из конторы Полли, а позднее на час.
И походкой ровной к Джеку
хладнокровно
Подошла мисс Полли с мистером Дуглас.*

*Сжалось сердце Джека, он как уголь
черен,
Но под черной кожей льется море слез.
Как в любви, так в мести, он всегда
упорен,
Не простил коварной он разбитых грез.*

*Отомстил лукавой, ветреной
блондинке,
Что секрет любовный Джека предала,
И Дугласу злобно желтые ботинки
Он почистил ваксой черной, как смола!*

Постановка была несложной. Распределили роли. Таня – мисс Полли, я – черный Джек, мистер Дуглас – Ирка Якобсон, дочь Алисы Генриховны. Собрали с миру по нит-

В КИНО ЗА НЕДЕЛЮ

С 21 по 26 сентября

21, 22 и 23

24, 25 и 26

КОЛОСС Ул. Герцена, 13, телеф. 5-74-12.	ВОЛЖСКИЕ БУНТАРИ	
УРАН Сретенка, 19, телеф. 2-13-74.	ВОЛЖСКИЕ БУНТАРИ	
КАРНАВАЛ Арбат, 39, тел. 3-87 36.	ПЕСНИ ТУНДРЫ Начало сеансов 7.30, 9 и 10.30	ПРЕСТУПЛЕНИЕ МОНИКИ
МОЛОТ (б. Екатерининский) пл. Коммуны, 2.	По проселочным дорогам	Стальные журавли (4 и 5)
ВОЛШЕБНЫЕ ГРЕЗЫ Покровск. вор., 16, телеф. 5-47-02.	Ш У Т 2 и 3 серия	ПРЕСТУПЛЕНИЕ МОНИКИ
ФАНТОМАС Сретенка, 4, телеф. 3-75-11.	Потомки пиратов	Манящие огни
НЕРОН Покровка, 55, телеф. 4-82-93.	Всадник с гор Охота на морских зверей	ПРЕСТУПЛЕНИЕ МОНИКИ
ВЕЛИКИЙ НЕМОЙ Тверской бульв. 33, пр. памят. Пушкину. Телеф. 4-82-97.	Фаворитка Магараджи Начало сеансов 7.30, 9 и 10.30	НОВАЯ ПРОГРАММА
1 РАБОЧИЙ КИНО-ТЕАТР Баррикадная, 21/1, тел. 3-04 30.	Зеленая Мануэла	Потомки пиратов
„КИНО-МЭТ“ Молодой экспериментальный театр Тверская ул. Мамонтовск., 10. Тел. 1-89-87.	21, 22, и 23 По проселочным дорогам 24 и 26 Дочь табора	Выступл. Арт. Киевск. оп. театра Слащов, Удальцов и Гончаров.
ЭРМИТАЖ Каретный ряд, 3, тел. 5-67-56.	ДЕВУШКА ИЗ БАРА	

ке какое-то подобие костюмов. Мне, чтобы стать негром, Евгения Исаковна пожертвовала рванный черный шелковый чулок, и я натянула его на лицо, прорезав дырки для глаз. Тане ее двоюродная сестра великодушно одолжила высокие до колен ботинки на французском каблуке (крик моды!). Ирка так насела на свою мать, что Алиса Генриховна достала у кого-то старый гимназический мундирчик для мистера Дугласа. На кухне, на стене над плитой прикрепили нарисованные на ватмане большие часы со стрелками в положении «четыре ровно». По-

том с плиты сняли примусы, керосинки, посуду, и сцена была готова. Мы с Таней пели по очереди, по одному-два куплета, стараясь передать интонацией, жестами, мимикой свое отношение к сюжету и персонажам. У Ирки была выходная роль без слов. Вот такой у нас был жанр. В тридцатые годы на уровне высокого искусства в жанре пародийного исполнения популярных романсов с огромным успехом выступал Образцов, но, честное слово, мы свои представления придумывали сами и гораздо раньше, чем слышали про Образцова.

Зрители у нас были постоянные – Анна Дмитриевна, Петр Николаевич, Даня, Роза, Евгения Исаковна, Поля и Аксюша. Видимо, чем-то это нравилось, как-то занимало даже искушенных ценителей искусства Кареевых. А Петр Николаевич в результате стал по-другому ко мне относиться. Встречая меня в коридоре, раньше он только снисходительно улыбался с высоты своего роста, а тут начал вступать в разговоры, что-то объяснять, что-то рассказывать. Получилось так, что с Анной Дмитриевной, благожелательной, но с определенным оттенком строгости, я беседовала только о литературе и искусстве, а с более добродушным Петром Николаевичем болтала о чем угодно, не стесняясь, что могу брякнуть какую-нибудь глупость. И вот как-то я пустилась рассуждать перед ним о том, до чего хорошо быть богатым. Не давит работа ради пропитания, вообще никакие материальные заботы не тяготят, ведь это столько можно сделать всего интересного, столько придумать! «Вот тут ты ошибаешься, – ответил Петр Николаевич. – Богатый человек, по-настоящему богатый, как правило, ничего делать не хочет. С самого детства малейшие его желания исполняются сразу и без всяких усилий с его стороны. А что легко получено, то быстро надоедает. Постепенно такой человек привыкает порхать от одной прихоти к другой, уже ни на чем не может долго остановиться, ни к чему не способен стремиться, ничего довести до конца. Поехал, скажем, такой баловень из Москвы в Петербург навестить тетушку и поздравить ее с днем ангела. В поезде ему понравилась какая-то барынька, которая едет в Тверь. Он за ней в Тверь, посылает цветы, пишет нежные записки, ищет знакомства. И вдруг покупает у местного офицера красавицу-кобылу и с головой погружается в подготовку к скачкам. А за неделю до скачек вспоминает про тетушку, продает

СВЕТЛАНА МАКСИМОВА, 1932

кобылу себе в убыток и отправляется в Петербург». Наверно, я слушала Петра Николаевича с обиженным лицом, потому что он сказал: «Не надо смотреть так сердито. Я не насмехаюсь над тобой и не болтаю чепуху. Это чистая правда. Конечно, были исключения. Например, мой старший брат зачем-то стал архитектором, но в обществе его считали чудачком, свихнувшимся, и такие, как он, встречались редко. А я говорю о людях обыкновенных, о большинстве. И знаешь, после революции те из нас, обыкновенных, которые хоть что-нибудь делали систематически, ну, собирали марки или пасхальные яйца, оказались в высшей степени жизнеспособными. Мы не испугались, не сбежали, все остались здесь, сумели пережить самое трудное и опасное время, смогли работать,

зарабатывать и нашли свое место в нынешней жизни. В нашем доме есть еще один бывший коллекционер – он собирал фарфоровые чайники. Живет на первом этаже. Может быть, ты его заметила – такой сухопарый рыжеватый мужчина в очках». Рассказ Петра Николаевича до того меня тогда удивил, до того не соответствовал всем понятиям, с которыми я жила, что я до сих пор помню его во всех деталях. Мы много слышали о тяжелых судьбах бедных людей, о том, как бедность заглушила их способности, ломала характеры, но чтобы богатство делало жизнь бессмысленной? Лишь много лет спустя, добравшись до романов Мамина-Сибиряка, я нашла у него яркие портреты никчемных «наследников», получивших богатство от отцов-дедов и никогда не ударивших палец о палец.

С Петром Николаевичем связано мое активное увлечение лошадьми. Лошади мне нравились всегда, но близко соприкасаться с ними не приходилось, только смотрела со стороны. Сейчас трудно представить себе Москву, в которой очень мало машин и много лошадей, но именно так это выглядело в двадцатые годы. Было множество всяких извозчиков – ломовые (т. е. грузовые), обык-

новенные легковые и лихачи – нарядные, картинные, у которых в запряжке ходили великолепные рысаки, а пролетки легко катились на дутых шинах. Конечно, только нэпманы ездили на лихачах (дорогое удовольствие!), но лошади не становились от этого менее красивыми. Иногда по улицам проезжали кавалеристы, а в праздничных военных парадах участвовали кавалерийские части, на них можно было полюбоваться, когда они шли к Красной площади. На таком фоне разговор запросто мог коснуться лошадей, и как-то Петр Николаевич сказал, что на Поварской есть манеж, где за небольшую плату обучают ездить верхом, и посоветовал сходить туда поинтересоваться. Я помчалась, полная любопытства, и на три года манеж и верховая езда прочно вошли в мою жизнь. Мне открылся целый неведомый мир коней, конников-профессионалов и конников-любителей, конкурсов, скачек, ипподрома. Но поговорить об этом я могла только с Петром Николаевичем – школьным друзьям было неинтересно, а мать считала все это буржуазным «угаром нэпа» и обзывала по-украински «паньски вытребеньки». А бывший гусар понимал и сочувствовал. Под разговоры он даже по-

АЛЬКАЗАР МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ОПЕРЕТТЫ
 Триумфальная пл., д. 1/29. Телеф. 4-19-08 и 2-04-07. Трамвай: 1, 5, 6, 13, 25, Б. Автоб.: 1, 6, 9.

Вторн. 10 мая МАРИЦА Среда 11 и воскресенье 15 мая ЖЕНИХИ Суббота БАЯДЕРКА 14 мая	Четверг 12 мая Прекрасная Елена Пятница 13 мая Принцесса цирка
---	--

Начало в 8¹/₄ час. веч. Билеты продаются в кассе театра с 12-10 час. веч., также во всех справочных Бюро МКХ, Петр. Театр. кассе. После поднят. занавеса в ход в зрительный зал воспрещ.

казал мне свою фотографию в парадной гусарской форме, с кивером и лосинами, и извлек сами лосины из глубины какого-то чемодана или сундука. Несообразная штука, эти лосины: надевали-то их господа офицеры мокрыми, чтобы они облегали ноги как собственная кожа.

Увлечение лошадьми не затмило мою театральную страсть и никак ее не приглушило. Оно просто переплелось с ней, внесло новые краски в повседневную жизнь. Все совмещать, на все находить время и при этом успешно учиться в школе я могла только потому, что нас с шестого класса учили в школе по Дальтон-плану. Дальтон-план рассчитан на развитие самостоятельности учащихся. Обыкновенных уроков, когда все школьники сидят в классе, слушают объяснения учителя, а потом ответы вызванных товарищей, у нас вообще не было. Ребята получали учебники, задания на неделю и должны были сами разобраться в материале и выполнить задание. Закончив работу, представляли ее учителю и, если все было сделано правильно, все что надо усвоено, получали задание на следующую неделю. Если же что-либо оказывалось непонятным, трудным, можно было обратиться за консультацией к учителю. Каждый учитель-предметник весь рабочий день сидел в своей «лаборатории», т. е. в закрепленной за ним классной комнате, и давал объяснения ученикам, которые к

нему приходили. Тем, кому консультация не требовалась, достаточно было посещать школу только для получения и сдачи заданий. На это уходило два-три часа не каждый день. И оттого, что не надо было отсиживать в школе ежедневно по шесть часов, образовалась бездна времени, появилась возможность свободно его распределять и успевать сделать множество дел. Знаю, что не для всех хорош Дальтон-план, а мне нравилось отсутствие принуждения и было все время интересно, в том числе делать школьные уроки, к которым нашлись замечательные дополнения. В Московском университете и Политехническом музее лучшие профессора читали тогда научно-популярные лекции по химии и физике с демонстрацией опытов. Эти лекции, на которые я ходила по собственной инициативе, и были теми дополнениями к школьной программе, углубляли ее, разнообразили и делали действительно интересной. Впрочем, о школьной жизни я заговорила лишь для того, чтобы объяснить, как я ухитрялась справляться со всеми своими увлечениями. Остается добавить еще несколько слов. Начало моих конноспортивных занятий пришлось на 1927 год, когда разворачивалась открытая громкая полемика с Троцким, заполнявшая страницы газет и порождавшая бурные страсти в партийной среде. Некоторый шум возник и в нашей школе. Нелюбимый учитель обществоведе-

ния пытался дать школьникам нужное направление и предостеречь от ереси троцкизма (как будто они что-нибудь понимали в партийной политике), а ребята ему наперекор несли всякую околесицу, лишь бы позлить. О чем конкретно шла речь, я совершенно не помню. Да и неудивительно: я не была

комсомолкой, не занималась общественной работой, все это было от меня далеко. Мою жизнь заполняли без остатка искусство, спорт и наука.

Последний этап моей театральной страсти отмечен забавным эпизодом, в котором неожиданно встретились театр и манеж. Меня одолело желание стать актрисой или лучше режиссером, но я понимала, что успехи в школьном драмкружке и на кухне нашей квартиры еще ничего не говорят о настоящем призвании. Большой театралкой была Евгения Исаковна, она хорошо разбиралась в людях и знала их великое множество. К ней я и направилась со своими хотениями и сомнениями. Она подумала и сказала, что, пожалуй, сможет устроить мне частный урок у кого-нибудь из знакомых ей актеров, кто со знанием дела оценит мои способности. В нашем ковчеге всегда можно было найти отклик и сочувствие! И вот, в страшном волнении, на дрожащих ногах, пошла я домой к Мансуровой. Пришла. Позвонила. Мне открыла дверь красивая рыжая женщина, которую (что за чертовщина!) я, безусловно, знала и, несомненно, где-то встречалась. От удивления я онемела, стояла, хлопая глазами, и вдруг заметила, что она тоже, наморщив брови, внимательно меня рассматривает. Наконец Мансурова (это была она)

произнесла: «Входите. Но откуда я вас знаю? Где я вас видела?» Оказалось — в манеже. Группа актеров-вахтанговцев вздумала за чем-то брать уроки верховой езды в манеже на Поварской. Учить их надо было с самых азов — как подходить к лошади, как разбирать поводья. Настоящим инструкторам было скучно этим заниматься, и они поручали гонять полных неумех кому-нибудь из более или менее продвинутой молодежи. Так и получилось, что два или три первых урока проводила с вахтанговцами я. Ну, вспомнили, посмеялись, у меня кончился мандраж, и занятия пошли спокойно и свободно. Через три недели упражнений, этюдов, бесед Мансурова благословила меня на режиссуру, и я отправилась экзаменоваться в студию Завадского, куда меня приняли. Пылкое желание осуществилось, и, как ни странно, это стало началом конца. Профессия ведь не только род занятий, но и образ жизни. А мне актерский образ жизни категорически был противопоказан. Напряженные и сложные человеческие взаимоотношения, полный отрыв от природы, как будто нет на свете ни гор, ни лесов, ни полей, а только нарисованные декорации... Проучилась я зиму 1920/21 года в студии, а весной, уже в марте, затосковала по просторам, веселым ручьям, запахам только что проклюнувшейся листвы и не-

знакомым дальним краям, которых я, может быть, из-за театра не увижу. Нет уж! Распростившись со студией и театром вообще, я вернулась в школу, которую бросила, думая, что судьба моя определилась и мне теперь нужны не школьные, а театральные науки. Вернулась в школу, засела основательно за книги и к концу учебного года сдала все задания, пропущенные и текущие. Скажем прямо, попотеть пришлось крепко, но никто меня не ругал, не прорабатывал, не выгонял из школы за огромный прогул. На формальности тогда как-то не обращали внимания. А летом я поехала на Мурман, и там было незаходящее солнце, многолетние полярные березки ростом чуть выше щиколотки, и торчащие над ними грибы, и морские звезды, прятавшиеся во время отлива в мелких бочажках на осушке.

В двадцать девятом году НЭП уже кончался (может быть, кончился), и хотя мы этого не знали, но не могли не видеть, что в окружающей жизни происходили изменения. Мне непосредственно были видны, вероятно, самые незначительные из них, но все же... Прекратила свое существование уютная домашняя столовая, куда меня устроила бабушка и где я несколько лет ела такие вкусные обеды. Не было в этом году радостной толкотни вербного базара, заливавшего весной разноголосым шумом Театральный проезд. Исчезли лихачи. Исчез великолепный нэпманский магазин у Никитских Ворот. В нашей квартире тоже были перемены. Куда-то подевался сожитель Алисы Генриховны, уехали Евгения Исаковна и ее банковский муж, а Поля осталась в своей комнатухе, решив устраиваться на производстве. В комнате Урысонов поселились супруги Новосад, белорусы, вернувшиеся из Соединенных Штатов. Когда-то, в девятисотых годах, молодым парнем отправился Новосад вместе с односельчанами из своей бедной

деревни на заработки в Америку и прожил там пятнадцать лет. Узнав, что в России произошла революция, он и его друг Березка собирались домой. Но от их родной деревни, по которой дважды прокатился фронт в германскую войну, практически ничего не осталось, а людей, кого не убили, разметало по белому свету. Так что подались осиротевшие «американцы» в город и в конце концов оказались в Москве. Новосад был спокойным, солидным мужчиной лет сорока, не то чтобы толстым, но плотным, работавшим комендантом какого-то правительственного здания, а костлявая Новосадиха нигде не работала. Поначалу она очень недоверчиво отнеслась к нашим порядкам, особенно к опусканию денег за коммунальные услуги в безнадзорно висящий в коридоре тряпчатый карман, но постепенно, убедившись, что в этом нет никакого подвоха, притерпелась и как-то вписалась в общий образ жизни, хотя и держалась на отшибе. «Сам» в домашние дела не вмешивался, жили они тихо, и тишина эта нарушалась только тогда, когда приходил маленький юркий Березка, который начинал громко ораторствовать уже в коридоре.

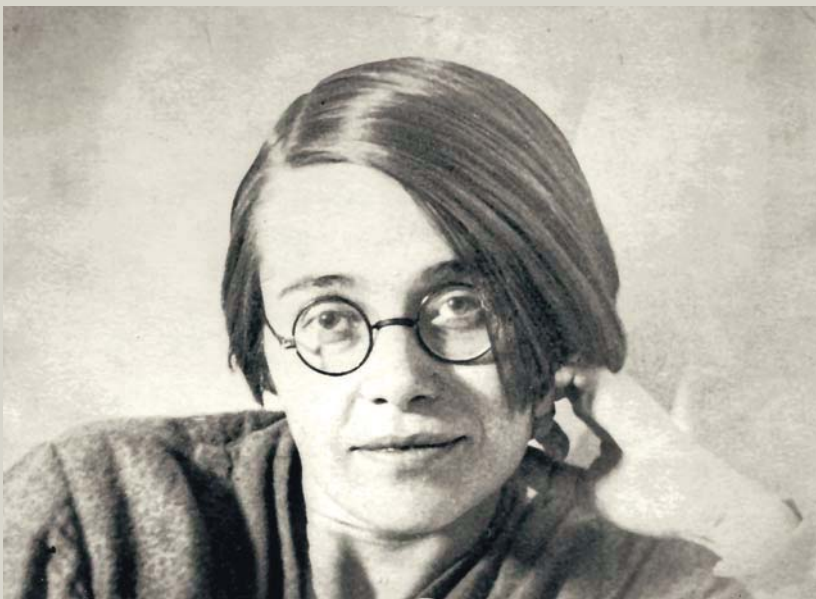
С отъездом Евгении Исаковны наша квартира потускнела, но мирный спокойный быт все-таки сохранялся, а к крушению его невольно привела тихая Иванова. В 1930 году я поступила в институт и мало бывала дома, а там тем временем разворачивалась тихая сенсация – обнаружилось, что Иванова, около которой никто никогда не видел даже тени мужчины, беременна и собирается рожать. Она, как обычно, о своих делах ни с кем не говорила, но Поля и Аксюша наблюдали за ней со все возрастающим беспокойством. Собирается женщина ребенком обзавестись, а живет как жила – толком не ест, не пьет, никаких приготовлений для младенца не делает. Иванова так и в роддом пошла –

без малейшего узелка. А где пеленки и одеяльце? Все разъяснил очень сердитый, возмущенный звонок из роддома. Что же это такое? Через два дня женщину выписывают, а у нее совершенно не во что ребеночка завернуть. Думает с себя снять сорочку и в нее завертывать, а ведь на дворе октябрь, на улице холод, ветер. Поезжайте к ней на фабрику, пусть профком кого-нибудь пришлет с вещами. Какой профком? Поля и Аксюша объявили всеобщую мобилизацию в квартире. Собрали деньги на одеяльце, и Поля полетела в магазин. Новосадиха взялась спать распашонки из каких-то своих мягких тряпочек. Мать, Анна Дмитриевна и Алиса Генриховна пожертвовали старые простыни, из которых Аксюша смастерила пеленки, подгузники и платочек на голову. Словом, когда Поля пошла встречать Иванову, она несла с собой полную экипировку для новорожденной девчоночки. И ведь что удивительно – такое крошечное, бессмысленное существо совершенно изменило Иванову, этот образец, можно сказать, эталон нового человека, не отягощенного собственностью и бытовыми заботами. Она сияла, буквально вся излучала сияние. На ее губах дрожала смущен-

но-радостная улыбка, в глазах зажегся интерес к ранее презируемому «мещанскому» окружению. Она стала разговаривать с соседками, и о чем? О том, какие вещи надо купить для ребенка, да как его купать, да почему он плачет. Древний материнский инстинкт опрокинул все ее убеждения, все понятия о настоящем советском человеке и обывательском болоте. В какой-то момент все-таки появились работницы с ее фабрики, ахнули, заглянув в «пенал», и, может быть, именно их неодобрение привело к тому, что Иванова получила от производства, как заслуженная активистка, жилплощадь получше, и в декабре уехала от нас, сердечно со всеми простившись.

В «пенал» могли поселить только одинокого человека, и наша квартира не без опасений ожидала нового жильца. К сожалению, опасались не зря. Появился здоровенный парень, неряшливый, со спутанными волосами и отчетливым запахом водочного перегара. И начались неприятности. Сначала пропали деньги, которые Роза и Кареевы уже успели положить в тот самый карман около телефона. Пришлось отменить привычный способ сбора платежей и уговорить

Новосадику взять на себя обязанности сборщика. Убыток, сам по себе небольшой, оставил неприятный след – неясную тревогу и настороженность. Новый жилец стал чем-то вроде неразорвавшейся мины. Когда он, пошатываясь, набывшись, шел по коридору (а вполне трезвым он не бывал никогда), все, кого он случайно встречал по пути, спешили скрыться в своей комнате и плотно закрыть дверь. Хуже всех было Аксю-

Светлана Максимова, 1936

ше: занавески не могли защитить ее уголок. Бедная женщина дрожала от страха и наконец уволилась и уехала. Кажется, устроилась на фабрику. Вскоре мина взорвалась – исчезло каракулевое манто Алисы Генриховны и мое дешевое зимнее пальто, которое я в конце минувшего лета украсила дешевым воротником из меха шакала, похожего на лисий. Я очень гордилась этим пышным воротником и своей хозяйственностью, но, вероятно, именно он соблазнил вора, не разбравшегося в мехах. По многолетней привычке верхнюю одежду все вешали в коридоре около своих дверей, в том числе Алиса Генриховна. И вдруг кража, и не ночью, а часов в шесть или семь вечера, когда люди уже вернулись с работы и никуда не уходили. Обнаружила это я, собираясь вечером пойти к своей Тане, и вот... Дал мне Даня свой ватник, и отправились мы с Алисой Генриховной в милицию. Рассказали, как было дело, а на вопрос, не подозреваем ли кого, ответили, что подозреваем нового жильца, поскольку до его вселения у нас ни копейки не пропало, к тому же он все время пьет. Да чужой и не полезет в квартиру, когда в ней полно народу. Составили протокол, и с тем мы вернулись домой. Через три дня наш пьяница, выскочив с ревом из «пенала», бросился с кулаками к Алисе Генриховне, шедшей из кухни. Она в ужасе юркнула в уборную и заперлась. Лишь после того, как он, подубасив в дверь кулаками и ногами, снял осаду, перепуганная Алиса на цыпочках пробралась в свою комнату. Потом было нападение на меня, но тут вблизи оказался Петр Николаевич. Он мгновенно схватил хулигана за руки, сделал какое-то непонятное движение и отвел того,

как кроткую овечку, в «пенал». Кульминация наступила, когда Семен (так звали пьяницу), сорвав с петель дверь, ворвался в ванную, где мылась моя матушка. Голая, намыленная и совершенно беспомощная, она завопила диким голосом, присела, защищая голову тазом, и потеряла сознание. Он успел ударить ее только один раз. С револьвером в руке (как потом выяснилось, незаряженным) примчался Даня, выкрикивая: «Руки вверх! Пристрелю, сволочь!» Семен тут же затих и убрался в свою нору, мать принесли в комнату, уложили в постель и вызвали врача.

В какие только инстанции мы ни жаловались, коллективно и индивидуально, ничего не помогало. Семен-то раньше служил в милиции, и, хотя его выгнали за пьянство, там у него остались кое-какие дружки, они рассказали ему о наших подозрениях и горой стояли за своего пролетарского парня против паршивой буржуазии (это мы и все остальные обитатели квартиры шли под бирку паршивой буржуазии). Так тянулось два-три месяца. Жизнь делалась безвыходной, невыносимой. Наконец матушка, доведенная до отчаяния, пошла с просьбой о помощи к бывшему товарищу по подпольной работе, ставшему очень большим начальником. Не знаю, как она добилась свидания с ним и каков был разговор, но через несколько дней после их встречи Семен навсегда исчез с нашего горизонта, и в «пенал» больше никого не поселили, однако прежний быт не возродился. Ноев ковчег ушел в прошлое вместе с НЭПом. Был уже 1931 год. Изменился не только наш маленький мирок, но и вся окружающая жизнь стала жестче и намного трудней.

СМОТРИТЕ НОВЫЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ФИЛЬМ
по роману ЖЮЛЬ ВЕРНА

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Авторы сценария: Б. ШЕЛОНЦЕВ и М. КАЛИНИН.
Режиссер — Э. ПЕНЦЛИН.
2-й режиссер — Б. ШЕЛОНЦЕВ.
Оператор — М. БЕЛЬСКИЙ.
Композитор — Н. БОГОСЛОВСКИЙ.
Автор песен — Е. ДОЛМАТОВСКИЙ.

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

арт. А. Краснопольский, П. Киян-
ский, А. Андриенно, И. Козлов,
Ю. Грамматинати, Р. Росс.

ПРОИЗВОДСТВО ОДЕССКОЙ КИНОСТУДИИ.

Выпуск „ГЛАВКИНОПРОКАТ“.

ВНИМАНИЮ ТОРГУЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ФАБРИКА
„МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ“

ВЫПУСКАЕТ

для кожи лица и рук

КРЕМЫ

„МЕТАМОРФОЗА“, „ЧИСТОТЕЛ“, „ЮНО“, „БЕРЕЗОВЫЙ“,
„КОЛЬДКРЕМ“, „ЛАНОЛИНОВЫЙ“, „УГРИН“

ЖИДКИЕ СРЕДСТВА:

„ЛОСЬОН-ЮНО“ (для питания
кожи),

„ЛАНОЛИНОВОЕ МОЛОКО“ (для
питания кожи),

„УГРИН“ (против прыщей и угрей),

„ИХТОХИН“ (против перхоти и вы-
падения волос)

И ДРУГИЕ КОСМЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНГИГИЕНЫ

ОПТОВЫЕ ЗАКАЗЫ и ЗАЯВКИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:
Москва, 133, Калужская застава, „МОСХИМОБЪЕДИНЕНИЕ“.

МОСКОВСКИЙ
ИНСТИТУТ

СОВЕТСКОЙ
КООПЕРАТИВНОЙ
ТОРГОВЛИ

ЦЕНТРОСОЮЗА СССР и РСФСР
ОБЪЯВЛЯЕТ

НАБОР СТУДЕНТОВ на 1-й курс
1941—1942 учебного года
на следующие факультеты:

Торгово-экономический — готовящий
экономистов советской торго-
вли высшей квалификации,
Учетно-экономический — готовящий
бухгалтеров-экономистов выс-
шей квалификации,
Товароведный — готовящий товарове-
дов высшей квалификации по
продовольственным и промыс-
ленным товарам.

СРОК ОБУЧЕНИЯ — 4 года.

При Институте имеются ВЕЧЕРНЕЕ
и ЗАОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЯ, которые
готовят специалистов высшей квали-
фикации без отрыва от производства
по специальностям:

а) экономистов советской тор-
говли,
б) экономистов по учету.
Условия поступления на вечернее и
заочное отделения те же, что и в
Институт.

Принятые в Институт
обеспечиваются общежитием.

С 1 июля по 1 августа при Инсти-
туте организуются курсы-консульта-
ции для поступающих.

ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ производится ЕЖЕДНЕВНО.

АДРЕС ИНСТИТУТА: Москва, 57,
Волоколамское шоссе, 21/25, Москов-
ский институт советской кооперати-
вной торговли. Телефон Д 3-05-60,
доб. 3-43.

МОСКОВСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
„РОССКУЛЬТТОРГА“

В МАГАЗИНАХ МОСКУЛЬТТОРГА

ИМЕЕТСЯ БОЛЬШОЙ
ВЫБОР КУЛЬТТОВАРОВ

СПОРТТОВАРЫ

Мячи футбольные и волейбольные, сетки, гамачи,
шахматы, шашки, домино, трикотажные спортив-
ные изделия, спортивную и другие спортивные
принадлежности.

МУЗЫКА

Разнообразный ассортимент грампластинок, грам-
мофонные иглолки, скрипки, гитары, балалайки,
гармоники, баяны и другие музыкальные товары.

ИГРУШКИ

Куклы, звери, настольные игры, детские велоси-
педы и другие виды игрушек.

ФОТО-РАДИО

Пластины всех размеров, химикалии и другие фо-
топринадлежности, репродукторы „Рекорд“, ком-
натные антенны и другие радиопринадлежности.

ШКОЛЬНО-ПИСЬМЕННЫЕ и КАНЦТОВАРЫ

Школьные портфели, краски, ученические запис-
ные книжки, блокноты, авторучки и разнообраз-
ный ассортимент канцелярских и писчебумажных
принадлежностей.

ПОРТРЕТЫ, КАРТИНЫ, ЗНАМЕНА и ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ

Портреты разнообразных размеров, художествен-
ные картины, окантовки, знамена художественной
работы, приклад к ним, пионерские галстуки и
знаки различия.

КУПЛЕННЫЕ ТОВАРЫ ДОСТАВЛЯЮТСЯ НА ДОМ БЕСПЛАТНО.
МАГАЗИНЫ ПРИНИМАЮТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ
НА ТОВАРЫ, ИМЕЮЩИЕСЯ В ПРОДАЖЕ.

МОСКОВСКИЙ
ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ

ИМЕНИ И. В. СТАЛИНА

ГОТОВИТ:

горных инженеров по разработке
угольных и рудных месторож-
дений, горных инженеров —
маркшейдеров, шахтостроителей,
электромехаников, гидромехани-
заторов, обогатителей, машино-
строителей.

СРОК ОБУЧЕНИЯ — 5 лет.

Прием заявлений с 15 апреля до
1 августа 1941 года.

Экзамены с 1 по 20 августа 1941 года.

На 2-й и старшие курсы произво-
дится дополнительный прием.

ИНОГРОДНИЕ ОБЕСПЕЧИВАЮТСЯ ОБЩЕЖИТИЕМ.

Стипендия студентов горных инсти-
тута на 25% выше стипендии дру-
гих вузов.

Адрес: Москва, Б. Калужская, 6,
Горный институт имени И. В.
Сталина. Телефон В 1-32-20.

ПО ВОПРОСАМ
ОБЪЯВЛЕНИЙ

В ЖУРНАЛ

„ОГОНЕК“

ОБРАЩАТЬСЯ

В МОСКВЕ по тел. Д 3-30-12

В ЛЕНИНГРАДЕ по тел. 1-92-45

КОММУНАЛЬНЫЙ ТРИПТИХ

– 1 –

*А помните, милый, гуляя по Невскому,
Вы мне признавались в любви к Достоевскому?
И Вы говорили: «Гармония в мире,
Как белый рояль в коммунальной квартире».*

*Мне было уютно у Вас в коммуналке:
В углах – паутина, на окнах – фиалки.
За дверцей буфета – припрятанный виски.
Теперь наш удел – состоять в переписке.*

*Но снится мне Питер и комната Ваша.
И кто б мог подумать, что «Бедная Маша»
Пленит Ваше сердце ненастной порою!
Пусть скажет «спасибо» советскому строю.*

*И я благодарна ему, тем не менее,
Хотела бы с Вами вернуться в имение...
Когда Вы явились с визитом к соседке,
Я чай наливала в садовой беседке:*

*– С вареньем? Со сливками? Может быть, с ромом?
И мы говорили о старом и новом,
И слушали звон колокольный вдали.
Пролетка умчалась в дорожной пыли...*

*Столетье спустя оказались мы вместе.
Мои поздравления – Вашей невесте.*

– 2 –

*Под взглядом ревнивым породистой Мурки
Я в доме твоём собираю окурки.
Читаю в глазах твоего бультерьера,
Что я нарушаю покой интерьера.
Запомнились также слова попугая:
«Вы только из дома – приходит другая!»
И смотрит в окно недоверчиво галка:
«Зачем тебе эта, скажи, коммуналка?!
И дым сигарет, и соседи в придачу?!»
Но я не могу, извините, иначе.
Я выброшу молча окурки-огарки.
С тобою, мой милый, мне рай в зоопарке!*

– 3 –

*За окошком палисадник.
Пыльный фикус на окне.
Вдруг я вижу: белый всадник
Лихо скачет на коне.
Гордый рыцарь предо мною
Преклонил свое колено:
«Станьте Вы моей женою».
Я сказала: «Непременно!
Отношусь к средневековой
Я с огромным интересом».
Он в ответ: «А я с любовью
К сероглазым поэтессам».
Он подвел ко мне коня,
На него помог взобраться,
Но любил ли он меня –
Не успела разобраться.
В замок рыцарский привез,
Ночь провел и вдруг умчался.
Сердце мучает вопрос:
Почему не попрощался?
Лишь одно понятно мне,
Что всему настанет час.
Пыльный фикус на окне,
В облаках парит Пегас,
И лошадку без хвоста
Бросил сын мой у куста...*

Е.В. Лаврентьева	
Монолог старой лестницы	6
М.С. Сперанская	
Здесь был французский театр...	9
С.В. Максимова	
Ноев ковчег	27
Н.М. Грейдинг	
Начало века в Ростове Великом	53
С.С. Балашов	
В Леонтьевском особняке	87
Г.Г. Истомина	
Два звонка в дверь	103
А.С. Хохлов	
Квартиры детства моего	115
А.А. Ходак	
Под зеленым куполом	153
В.И. Прохорова	
Марсельский кабачок	157
Е.П. Морозова-Утенкова	
Эта путеводная нить памяти...	187
И.М. Зеленова	
«Нам преград даже в космосе нет!»	205
Н.А. Тамарина	
О приемной Сталина, винных погребах и бриллиантах Фрейлины императрицы...	215
Т.Я. Батасова	
Клуб на кухне	223
Е.С. Юрова	
Шесть золотых под дощечкой	229
А.Ю. Хржановский	
С тех пор...	237
Э. Опальная	
А мне так жаль моих ушедших лет...	249
Н.С. Смирнова	
Воспоминания не ко времени...	257
А.С. Логинова	
«Что касательно - то относительно!»	291
В.А. Потресов	
Вот мое начало	307
Л.А. Румянцева	
Редакция прозы	337
Е.В. Лаврентьева	
Коммунальный триптих	396

Иллюстративно-художественное издание

КОММУНАЛЬНАЯ СТРАНА

в фотографиях и воспоминаниях

Составитель Елена Владимировна Лаврентьева

Редактор *Н.В. Комарова*

Дизайн: *А.Б. Архутик*

Компьютерная верстка: *А.Н. Колганов*

Сканирование и обработка фотографий: *А.Е. Комаров*

Корректоры *О.В. Круподер, В.А. Нэй*

Подписано с готовых диапозитивов 16.06.2009 г.

Формат 60х90/8. Гарнитура GaramondC

Печ. л. 50 Тираж 2000 экз.

Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»

115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru